

СОДЕРЖАНИЕ:

Къ 10-лѣтію Спб. Попечительства трезвости.—Продолженіе слѣдуетъ.—Хроника.—Письма въ редакцію.—Маленькая хроника.—Наша театральная Азія послѣ войны (продолж.) *Александра Любоша*.—Минуты *В. Александра Амфитатрова*.—Маленькій фельетонъ.—Лирическіе факты. *Арсен*.—Къ юбилею Народнаго Дома (мелочи и наброски). *П. Д.*—Новыя изданія „Театра и Искусства“.—Театральныя замѣтки. *А. Кусея*.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки и портреты. Д. М. Степанова, Н. С. Сахарова, † С. Д. Малоземова, Элеонора Дузе (съ послѣдняго портрета), Элеонора Дузе съ дочерью (съ картины Ленбаха), Элеонора Дузе въ разныхъ роляхъ, „Чортушка“, Къ юбилею Спб. Попечительства трезвости (2 группы), „Жизнь человѣка“ Л. Андреева въ московскомъ Художественномъ театрѣ (4 рис.).

С.-Петербургъ, 13-го января 1908 года.

Исполнилось 10-лѣтіе театральной дѣятельности петербургскаго попечительства о народной трезвости. Объ официальном празднованіи что-то не слышно. Можетъ быть, такое „уклоненіе“ находится въ связи съ недавними преніями въ Государственномъ Совѣтѣ по вопросу объ упраздненіи попечительства о народной трезвости, и нареканіями, которыми были пересыпаны рѣчи гг. ораторовъ специально по адресу петербургскаго попечительства.

Мы отнюдь не склонны къ славословіямъ, и очень хорошо знаемъ, что дѣятельность петербургскаго попечительства не лишена многихъ недостатковъ. Но что совершенно? Да и на какія несовершенства нападали гг. ораторы? Мы приводили выдержки изъ рѣчей, произнесенныхъ въ Государственномъ Совѣтѣ, и читатели могли изъ нихъ легко убѣдиться, что, вообще, взгляды на театральную дѣятельность, высказывавшіеся въ Государственномъ Совѣтѣ, болѣе поражали своею оригинальностью, чѣмъ основательностью. Въ этомъ потокѣ нареканій—своя своихъ не познаша, и тѣ, кто съ сознательною враждебностью относятся къ демократизаціи культурныхъ учреждений, приобщенію народныхъ массъ къ культурной жизни, оказались въ одной парѣ съ тѣми, кто желалъ бы, наоборотъ, подъема культурнаго уровня населенія. И тѣ, и другіе бранили. Мало кто отнесся къ 10-лѣтней дѣятельности попечительства съ безпристрастіемъ и истинно широкимъ взглядомъ.

Не обинуясь, скажемъ, что какъ бы далека ни была дѣятельность попечительства отъ совершенства, она чрезвычайно много сдѣлала для народа и въ смыслѣ просвѣщенія его, и въ смыслѣ преподанія ему урока, такъ сказать, гражданскихъ чувствъ. Даже то, что публика низшихъ классовъ общества находилась въ одной залѣ съ публикой высшаго класса, было очень полезно, какъ живой, наглядный примѣръ уравнительности состояній.

Не знаемъ, можетъ быть, въ специальномъ смыслѣ, для отвлеченія отъ пьянства, попечительства сдѣлали (вѣрнѣе, могли сдѣлать)—немного. Но въѣдаковъ былъ бы уровень пьянства безъ попечительства—неизвѣстно. Все растетъ, а больше всего растетъ нервность. Растутъ большіе города, растутъ промышленные центры. Растетъ недоѣданіе народа. Все это огромные факторы для усиленія потребленія алкоголя. Можетъ быть, безъ попечительства выпивалось бы вдвое—кто возьметъ на себя смѣлость сказать, что это не такъ?

Петербургское попечительство, во всякомъ случаѣ, сдѣлало грандіозный опытъ народныхъ гуляній, увеселеній и театровъ, безъ соблазнительнаго буфета со спиртными напитками. Во всѣхъ театрахъ буфетъ прикованъ къ сценѣ. Заражающая сила буфета несомнѣнна. Выпьешь, заискрится нѣга во взорѣ, и т. д. И за однимъ, эту операцію оживотворенія, черезъ посредство буфета, совершаетъ другой, третій.

Буфетъ при театрахъ дѣйствуетъ не только во время спектаклей, но и днемъ. То и дѣло забѣгаютъ въ него „погрѣться“ актеры, дожидаящиеся своего выхода на репетицію. Грѣются они такимъ манеромъ, и не только преждевременно разрушаютъ свой организмъ, но и оставляютъ въ буфетѣ все свое жалованье. Жизнь наша дѣйствительно уподобляется длинной линіи желѣзной дороги, съ періодическими высадками на станціонныхъ буфетахъ. Свиснулъ паровозъ—поѣхалъ дальше по своимъ дѣламъ, до новой высадки въ буфетѣ...

Буфетъ—это ужасный присосокъ, такъ сказать, всего нашего жизненнаго строя. Конечно, мы не замѣчаемъ этого, ибо ко всему можно привыкнуть, и не страннымъ намъ уже кажется, что буфеты торчатъ на нашемъ жизненномъ пути, что „версты полосаты“.

Уже одно это—освобожденіе театра отъ буфетнаго присоска—представляетъ крупную заслугу попечительства. Но театральная его дѣятельность имѣетъ и положительныя заслуги. Она расшевелила обширные слои населенія, привила имъ вкусъ къ художественнымъ развлеченіямъ. По общему отзыву петербургскихъ театральныхъ людей, театры попечительства подготовили огромный кругъ посѣтителей для другихъ театровъ, и ростъ театральной публики тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ дѣятельностью попечительскихъ театровъ. Конечно, можетъ существовать и такая точка зрѣнія, что среди суеты міра—искусство есть наивреднѣйшая форма суеты. Но на эту аскетическую, отшельническую точку зрѣнія мы стать не можемъ. Искусство и въ частности театръ есть одна изъ самыхъ яркихъ радостей жизни. Сумма радости, которую внесли театры петербургскаго попечительства въ сѣрую жизнь небогатаго населенія,—составляетъ крупный активъ въ его балансѣ. Онъ не забудется, онъ запечатлѣлся въ сердцахъ, ибо никакія скучныя рацеи моралистовъ не въ состояніи отучить людей отъ стремленій къ грезамъ, мечтамъ, фантазіи искусства. Отсюда, и не отъ нравоученія и поученія, идетъ ростъ сознанія, и надо быть или очень старымъ, или очень скучнымъ разумникомъ, чтобы не понимать этихъ вещей.

Въ частности, оставаясь въ предѣлахъ специально театральной жизни, мы не можемъ не отмѣтить того значенія, которое театры петербургскаго попечительства имѣли для русскихъ актеровъ. Они давали обезпеченный кусокъ хлѣба многимъ десяткамъ актеровъ, и самыя условія ихъ труда поставили въ болѣе нормальное положеніе. Какъ бы ни слагался репертуаръ театровъ, онъ все же насыщалъ не мало пьесъ, дававшихъ матеріалъ для здоровой работы актера. Островскій, Грибоѣдовъ и др. классическіе авторы шли на сцену попечительства, во всякомъ случаѣ, чаще, чѣмъ въ другихъ театрахъ. Нѣкоторыя новыя пьесы, поставленныя въ Народномъ Домѣ, вошли въ репертуаръ провинціальныхъ театровъ. Укажемъ, напримѣръ, на „Мученицу“ („Смерть и Жизнь“) Ришпена.

Какъ говорится, *faciant meliora potentes*, а дѣло

это нелегкое, и въ тѣхъ особыхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся театры попечительства,—тѣмъ болѣе.

Будемъ надѣяться, что заслуги работниковъ театровъ петербургскаго попечительства не забудутся въ юбилейные дни. Главный режиссеръ А. Я. Алексѣевъ, несущій на своихъ плечахъ огромный трудъ управления всѣми сценами попечительства и заявившій себя, безспорно, мастеромъ въ области блестящихъ постановокъ, артисты попечительства, играющіе на его сценѣ съ начала учрежденія ихъ: г-жи Сахарова, Райдина, Никитина, Романовская, гг. Печоринъ, Розенъ-Санинъ, Скарятинъ, Никольскій, режиссеръ Мирскій и др.—имѣютъ право съ сознаниемъ исполненнаго долга, оглянуться назадъ. Комитетъ попечительства не преминетъ, конечно, выразить признательность всѣмъ добросовѣстнымъ работникамъ своихъ театровъ. Для министра же финансовъ, краснорѣчиво заступившагося въ Государственномъ Совѣтѣ за театральную дѣятельность попечительства, является крайне удобный случай—дѣломъ подтвердить слово.

Продолженіе слѣдуетъ. Въ „Руси“ читаемъ:

Увѣченный своей побѣдой надъ „Черными воронами“ саратовскій еп. Гермогенъ окончательно рѣшилъ взять на себя роль цензора общественныхъ нравовъ. Вернувшись въ Саратовъ, новый Катонъ одновременно отправилъ на имя председателя совѣта министровъ и въ Синодъ слѣдующее ходатайство.

1) Запретить появленіе на сценѣ пьесъ, оскорбляющихъ религиозное чувство русскаго народа и посягающихъ на его цѣломудріе; 2) снять въ настоящее время немедленно съ репертуара всѣ пьесы, въ коихъ задѣваются и оскорбляются народныя свѣтъны; 3) воспретить постановку тѣхъ маскараровъ и фарсовъ, которые черезъ изображеніе половыхъ эксцессовъ, служили развращенію народа; 4) мѣру, принятую саратовскимъ губернаторомъ гр. Татищевымъ въ отношеніи саратовскаго народнаго дома, распространить на всѣ театры, цирки, увеселительныя сады, эрмитажи, кафе-шантаны и т. п. заведенія, а именно: воспретить въ нихъ постановку зрѣлищъ и торговлю подъ всѣ воскресныя и праздничныя дни и во всѣ дни Великаго поста; 5) обратить серьезное вниманіе на широкое распространеніе (главнымъ образомъ изъ Варшавы) порнографической литературы и рисунковъ и вступить въ рѣшительную борьбу съ порнографіей, не ограничиваясь палліативами.

Этотъ краснорѣчивый документъ не нуждается въ комментаріяхъ или вѣрнѣе, очень нуждается. Мы оставляемъ въ сторонѣ „существо“ домогательствъ еп. Гермогена. Но мы спрашиваемъ съ формальной стороны: что это за новая должность „цензора нравовъ“? Не курьезно ли, что новый цензоръ не только обвиняетъ предъ г. председателемъ совѣта министровъ его же чиновниковъ и администрацію, но и хлопочетъ предъ нимъ объ отмѣнѣ распоряженій, коими, напримѣръ, разрѣшены спектакли въ извѣстныхъ дни, конечно, съ вѣдома св. Синода?

Вмѣсто новогоднихъ поздравленій.

(Подписка въ пользу Убѣжища и Пріюта Теат. Общ.).

(Продолженіе списка, помѣщеннаго въ № 1).

Отъ Пермскаго уполномоченнаго Совѣта Т. О. А. Д. Зайдель (отъ разныхъ лицъ) . . .	23 р. 50 к.
Тифлисскаго уполномоченнаго Совѣта Т. О. В. И. Ивченко (отъ разныхъ лицъ) . . .	70 „ — „
Омской труппы А. А. Кравченко и Е. М. Долина . . .	25 „ — „
Екатеринославскаго уполномоченнаго Совѣта Т. О. Е. К. Лаврова (отъ разныхъ лицъ) . . .	6 „ 55 „
Мариупольской труппы Я. В. Лихтера . . .	52 „ — „
Елисаветградск. труппы А. Т. Поляковой . . .	17 „ — „
Красноярскаго уполномоченнаго Совѣта Т. О. В. А. Дорзетъ (отъ разныхъ лицъ). . .	24 „ — „
Харьковск. труппы И. Д. Болдырева . . .	36 „ — „
Тюменской труппы С. З. Ковалевой . . .	25 „ — „
Бакинск. труппы А. Н. Кручинина . . .	40 „ — „
труппы Москов. Художествен. театра . . .	34 „ — „

Отъ Оренбург. труппы З. А. Малиновской . . .	17 р. — к.
Самарской труппы Н. Д. Кручинина . . .	45 „ 55 „
С. В. Яблоновскаго . . .	5 „ — „
А. И. Ермолина . . .	5 „ — „
И. Ростовцева . . .	3 „ 20 „
Рыбинск. труппы Н. П. Казанскаго . . .	12 „ — „

Итого . . 440 р. 80 к.

Р. С. Въ списокѣ, помѣщенномъ въ № 1, замѣчена ошибка: дважды упомянуто пожертвованіе А. П. Ленскаго—5 руб. Кромѣ того въ сумму итога 1643 р. 45 к. не включена подписка Одесской труппы В. И. Никулина (78 р. 25 к.), такъ какъ эти деньги конторой журнала до сихъ поръ еще не получены.

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— „Старинный театр“ прекратилъ свое существованіе.

Не смотря на громадныя убытки (около 20,000 р.) театръ съ будущаго сезона (сентябрь) намѣренъ возобновить свою дѣятельность.

— Для гастрольной поѣздки на Великій постъ и Пасху труппы „Невскій Фарсъ“ (лирекция В. А. Казанскаго) законтрактваны три театра: въ Харьковѣ городской театр (Пасха и Фомина недѣля), въ Тифлисѣ театръ Артистическаго Общества (2 и 3 недѣли поста) и въ Баку театръ Тагіева (5 и 6 недѣли поста). Труппа везетъ лучшіе фарсы своего „босого“ репертуара, а именно для „Гусарской лихорадки“, „Амуръ и К“, „Пѣвничка Бобинетъ“, „Идеальный жандармъ“, „Человѣкъ съ недостаткомъ“, а также для репертуара минувшаго лѣта фарса Тумпакова „Микета“, „У насъ въ Парижѣ“, „Малемуа-зель Жозета“ и др.

Представителемъ дирекціи и организаторомъ поѣздки является М. И. Разсудовъ. Главн. режиссеръ В. Ю. Вадимовъ, Л. А. Леонтьевъ. Въ составъ труппы входятъ: г-жи Мосолова, Волгина, Ручьевская, Бейнаръ, Евдокимова, Орская, Вадимова и др., гг. Вадимовъ, Юренъ, Николаевъ, Улихъ, Карминъ, Ростовцевъ, Ольшанскій, Ленскій Самборскій, Кремлевскій, Незавровъ, Мишинъ, Стрелетовъ и Разсудовъ. Въ поѣзду не ѣдетъ лишь г. Смоляковъ, на мѣсто котораго приглашены Н. Ф. Улихъ и Карминъ.

— Ц. А. Кюи пишетъ въ настоящее время новую оперу на сюжетъ „Капитанской дочки“: обработка либретто, по слухамъ, слѣлана самимъ композиторомъ.

— Въ серединѣ февраля г. Мейерхольдъ предпринимаетъ поѣздки въ провинцію съ труппой, съ составъ которой входятъ: г-жи Л. Д. Блокъ, Н. Н. Волохова, Веригина, Будкевичъ, Гордель, Ильинская, Юшкевичъ и гг. Голубевъ, Неволлинъ, Зононъ, Аркадьевъ, Унгернъ, Давидовскій, Гипшманъ и др. Репертуаръ: „Электра“, „Строитель Сольнесъ“, „Сестра Беатриса“, „Побѣда смерти“, „Лулу“ и „Балаганчикъ“.

— Говорятъ, что вопросъ о переводѣ режиссера г. Шкафера на мѣсто главнаго режиссера въ Московскій Большой театръ окончательно рѣшенъ. Съ будущаго сезона онъ уже вступаетъ въ свои обязанности.

— По словамъ „Гол. Москвы“, хоръ московск. Большаго театра, приглашенный г. Дягилевымъ въ Парижъ для русскіхъ оперъ, отказался отъ предложенныхъ г. Дягилевымъ 10-ти франковъ суточныхъ въ Парижѣ и 7 франковъ въ сутки во время дороги. Послано окончательное условіе, что меньше 15 франковъ суточныхъ они не пойдутъ.

— Е. А. Бѣляевъ съ апрѣля мѣсяца организуетъ поѣздки по провинціи. Въ составъ труппы входитъ В. Н. Давыдовъ.

— Въ Убѣжище Т. О. принята бывшая довольно извѣстная опереточная артистка К. В. Запольская, сестра В. В. Зориной.

— Иркутскій опереточный антрепренеръ г. Валентетти возбудилъ ходатайство передъ высшими властями объ отмѣнѣ распоряженія мѣстныхъ властей о высылкѣ изъ Иркутска 19 музыкантовъ-евреевъ, какъ не имѣющихъ права жительства. По этому поводу мы получили слѣд. телеграмму: „генераль-губернаторъ отклонилъ ходатайство, евреи высланы, ждутъ результата на первой станціи. Не желая 85 человѣкъ оставить безъ крова и хлѣба, продолжаю дѣло съ разбитыми остатками. Меня ждетъ немедленное раззореніе. Валентетти“.

— Празднованіе юбилея В. Н. Давыдова отложено на 29 января.

— А. К. Янушева, оправившись отъ болѣзни, въ концѣ января уѣзжаетъ въ Ялту, для окончательнаго возстановленія здоровья.

— П. В. Тумпаковъ на прошлой недѣлѣ серьезно заболѣлъ припадками сердца. Три дня положеніе его было весьма тяжелое. Теперь онъ поправился.

— Въ Петербургъ пріѣзжалъ симферопольскій антрепренеръ Д. С. Семченко для приглашенія нѣкоторыхъ Императорскихъ артистовъ въ формируемую имъ труппу для поѣздки по Кавказу. Поѣздки предполагается съ поста на два мѣсяца.



† С. А. Малоземова.

— До чего великъ театральнѣй „голодь“ въ Петербургѣ. В. А. Казанскій требуетъ за небольшой Елисеѣвскій театръ во время поста 225 руб. отъ спектакля! Надо удивляться, что не находятъ предприниматели для постройки новаго театральнаго зданія, предпочитая строить дома изъ 4%. Казалось-бы, примѣръ Пассажа долженъ былъ-бы показывать, насколько театральное зданіе выгоднѣе даже магазиновъ.

— Съ 1-го января музыкально-драматическіе курсы Поллакъ, существующіе съ 1880 г., перешли въ полное владѣніе В. Б. Поллакъ, сына В. В. Поллакъ, учредителя курсовъ.

— Какъ говорятъ, въ Петербургѣ въ будущемъ сезонѣ намѣренъ обосноваться опереточный антрепренеръ г. Новиковъ. Онъ ведетъ переговоры съ владѣльцами театровъ „Пассажъ“ и „Новый театръ“.

— Труппа артистовъ театра Литературно-Художественнаго Общества, вслѣдствіе закрытія сезона постомъ и сдачи театра подъ оперу, рѣшила образовать товарищество. Ведутся переговоры съ театрами Елисеѣва и Новымъ.

— Дирижировать цикломъ „Кольцо Нибелунговъ“ въ посту въ Маріинскомъ театрѣ приглашенъ капельмейстеръ другъ Рихарда Вагнера—Гансъ Рихтеръ.

— Въ настоящее время засѣдаетъ специальная коммисія, разсматривающая вопросъ о реформѣ казеннаго театральнаго училища, которое предполагается назвать „Высшими драматическими курсами“. Повидимому, однако, главная цѣль реформы—экономія. Упраздненіе московскаго училища дало экономію въ 82,000 руб. Нельзя-ли еще?

— Балетные итоги минувшаго года выразились въ такихъ цифрахъ:

Всего было поставлено 54 спектакля, изъ которыхъ 2 безплатныхъ, 2 бенефисныхъ и 6 утреннихъ. Эти спектакли дали валового дохода 163,477 рублей, т. е. какъ разъ стоимость содержанія балетной труппы. Если вычесть два бенефиса, то остается 156,404 рубля или въ среднемъ 3,128 руб. на спектакль, считая и утренніе. При полномъ сборѣ Маріинскаго театра въ 3,550 рублей—средняя цифра 3,128 руб. даетъ около 90% на кругъ, т. е. матеріальный успѣхъ, выше котораго и ожидать нельзя.

— Юбилейный спектакль Е. П. Карпова („Рабочая слободка“) состоится 24 января. Запись билетовъ производится въ кассѣ театра.

— На будущій сезонъ режиссеромъ въ театрѣ Коммисаржевской приглашенъ молодой драматургъ Н. Н. Евреиновъ. Ему уже поручено двѣ постановки „Франчески да-Рамини“ д'Анунціо и „Пера Гюнта“ Ибсена.

— „На покой“ гг. Куприна и Свирикаго идетъ въ Александринскомъ театрѣ въ одинъ вечеръ съ „Тартюфомъ“ Мольера.

— Новая пьеса А. И. Косорогова „На горѣ“ къ представленію цензурой не разрѣшена.

— Какъ мы слышали, старшій курсъ театральнаго училища весь будущій сезонъ будетъ играть на сценѣ Михайловскаго театра.

— 11 и 14 января въ Михайловскомъ театрѣ представленія „Короля“ Юшкевича въ пользу Театральнаго Общества. Первый спектакль прошелъ при переполненномъ театрѣ.

— Въ Петербургъ пріѣзжалъ симферопольскій антрепренеръ Д. С. Семченко для приглашенія нѣкоторыхъ императорскихъ артистовъ въ формируемую имъ труппу для поѣздки по Кавказу. Поѣздка предполагается съ поста на два мѣсяца.

* * *

Московскія вѣсти.

— Антрепренеръ „Новаго театра“ г. Зиминъ на-дняхъ объявилъ всей труппѣ, хору, оркестру и служащимъ, что во время поста онъ оперы не будетъ держать.

— По слухамъ, режиссеръ Малаго театра Н. А. Поповъ подписалъ новый контрактъ съ дирекціей на 2 года.

— По свѣдѣніямъ „Гол. Москвы“, къ возобновленію театра г. Солодовниковъ приступаетъ съ 1 марта, и къ 1 сентября театръ будетъ вполне готовъ. Передѣлокъ существующихъ не предполагается, но отдѣлка театра и фойе будетъ отличаться роскошью и изяществомъ. Будетъ устроенъ конкурсъ по украшенію потолка, стѣнъ театра и фойе; большинство отдѣлки поручено художнику Кожину. Особое вниманіе будетъ обращено на устройство сцены. Кромѣ Кожевникова, подали заявленія на снятіе театра гг. Фигнеръ, Макасовъ, Севастьяновъ и Шевелевъ. Вопросъ о сдачѣ театра будетъ рѣшаться въ апрѣлѣ. Преимущество будетъ дано дѣлу на товарищескихъ началахъ.

— Труппа фарса Сабурова, намѣревшаяся постомъ играть въ Харьковѣ, отказалась отъ поѣздки, вслѣдствіе запрещенія нѣкоторыхъ фарсовъ мѣстной администраціей. По всей вѣроятности, постъ труппа будетъ играть въ Самарѣ.

— Въ театрѣ Корша въ утреннемъ спектаклѣ въ драмѣ Островскаго „Гроза“ въ роли „Бориса“ дебютировалъ провинціальный артистъ Доронинъ.

— „Комедія любви“ Ибсена предполагавшаяся къ постановкѣ въ Маломъ театрѣ, въ декабрѣ, переносится на начало февраля. Главныя роли въ пьесѣ будутъ играть г-жа Гзовская, г. Садовскій 2 и г. Южинъ. Кромѣ „Комедіи любви“, въ этомъ сезонѣ предполагается еще поставить „Даніэля Роша“ Сарду и „Побѣду смерти“ Сологуба. Вторая изъ нихъ пойдетъ не ранѣе Великаго поста. Пьеса „Смерть Тен-тажила“, намѣчавшаяся къ постановкѣ въ этомъ сезонѣ, вѣроятно, не пойдетъ вовсе.

— Артистка Малаго театра г-жа Пашенная съ будущаго сезона переходитъ въ труппу театра Корша.

— Здоровье главнаго режиссера Малаго театра г. Ленскаго, въ настоящее время проходящаго курсъ лѣченія за границей, поправляется и есть надежда, что по окончаніи отпуски, даннаго ему дирекціей, онъ сможетъ еще въ этомъ сезонѣ вновь вступить въ исполненіе своихъ обязанностей.

— Труппа театра Корша на Великій постъ уѣзжаетъ на первыя двѣ недѣли въ Полтаву, на вторыя—въ Ростовъ, а Пасху будетъ играть въ Воронежѣ.

— Въ театрѣ Корша продолжаетъ дѣлать сборы „Шуты“ въ стихотворномъ переводѣ Лоло (Л. Мунштейна). Пьеса выдержала уже 10 представлений.

* * *

† С. А. Малоземова. 5 января скончалась Софья Александровна Малоземова, профессоръ петербургской консерваторіи. Она родилась въ 1845 г., кончила курсъ Смольнаго монастыря и въ 1863 г. поступила въ только что тогда основанную консерваторію, которую и кончила въ 1866 г. по классу А. Г. Рубинштейна.

Въ періодъ 1872—8 гг. она концертировала вмѣстѣ съ Е. А. Лавровской въ Германіи и Франціи. Прекративши концертную дѣятельность, она посвятила себя педагогикѣ сперва частнымъ образомъ, а съ 1887 г. вступивши въ преподавательскій персоналъ той консерваторіи, гдѣ получила художественное образованіе. Ея воступленіе совпало со вторичнымъ возвращеніемъ въ консерваторію А. Рубинштейна въ качествѣ директора. Изъ ученицъ ея назовемъ: г-жъ Познанскую, Сандру, Друкеръ, Бариннову, сестеръ Штейнбергъ, Вендорфъ, г. Покровскаго и др.

Похоронена С. А. въ Александро-Невской лаврѣ.

* * *

† А. С. Рапортъ. Въ Харьковѣ скончался въ большой бѣдности А. С. Рапортъ, артистъ Императорскихъ театровъ и бывшій харьковскій оперный антрепренеръ. Рапортъ умеръ отъ астмы, которой страдалъ, имѣя за плечами семьдесятъ лѣтъ,—и такъ какъ жена покойнаго уѣхала на концертъ въ какой-то маленькій городокъ, то около него не оказалось даже родной близкой руки, чтобъ закрыть ему глаза, и полиція взяла тѣло сначала въ больницу, а затѣмъ въ трупный покой для вскрытія. Рапортъ считался однимъ изъ лучшихъ теноровъ.

* * *



Н. С. Сахарова.

(Къ 40-лѣтію сценической дѣятельности).

† В. Ф. Путята. 31 декабря въ Смоленскѣ, у родныхъ, скончался провинціальный артистъ Владиміръ Федоровичъ Путята, отъ легочной горловой чахотки. Покойному было 35 лѣтъ отъ роду, покойный болѣлъ около года.

* * *

1-го января за кулисами театра Народнаго дома скромно справляла сороколѣтіе своей сценической дѣятельности артистка драматической труппы попечительства о народной трезвости Надежда Степановна Сахарова (Тарбухина).

Начавъ свою сценич. дѣятельность 1-го января 1867 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ труппѣ Смолькова, Н. С. въ продолженіе 40 лѣтъ безпрерывно находилась на сценѣ (послѣдніе 10 лѣтъ на сценѣ попечительства, со дня основанія его).

Н. С. пользуется любовью своихъ товарищей, какъ чуткій отзывчивый человѣкъ и публики, какъ хорошая актриса.

* * *

Авторъ „Черныхъ вороновъ“ В. В. Протопоповъ обратился въ „Руси“ со слѣдующимъ письмомъ къ Іоанну Кронштадтскому: „Несмотря на то, что прошло уже около мѣсяца послѣ запрещенія моей пьесы „Черные вороны“ (послѣ 63-хъ спектаклей въ Петербургѣ и очень большого количества спектаклей въ провинціи), я продолжаю почти ежедневно получать письма съ наивнымъ вопросомъ: „правда ли будто „Черные вороны“ запрещены по ходатайству о. Іоанна Кронштадтскаго, заступившагося за обличенныхъ въ пьесѣ іоаннитовъ!“ Въ нѣкоторыхъ письмахъ вложены газетныя вырѣзки, сообщающія, что вы посылали союзу русскаго народа въ Москву благодарственную телеграмму за его борьбу противъ „Черныхъ вороновъ“. И меня спрашиваютъ, чѣмъ я объясню себѣ такое ваше отношеніе къ моей пьесѣ, о которой епархіальный миссіонеръ, человѣкъ специально вѣдающій борьбу съ сектантствомъ, писалъ, что „она принесетъ большую пользу простой, довѣрчивой публикѣ?“

Я не могу отвѣтить на этотъ вопросъ. Не могу потому, что всѣ объясненія, которыя складывались у меня въ мозгу, въ концѣ концовъ казались мнѣ за самому совершенно несостоятельными. Можно ли допустить, чтобы вы дѣйствительно вступились за іоаннитовъ—за грязную шайку богохульниковъ, мошенниковъ, прелюбодѣевъ, воровъ, раскинувшихъ теперь свои сѣти по всей Россіи? Нѣтъ, конечно нѣтъ... Можно ли предположить, что вы нашли въ „Черныхъ воронахъ“ что-либо обидное для себя лично и потому требовали запрещенія пьесы? Нѣтъ, это еще болѣе невозможно. Говорю „еще болѣе“ потому, что даже если допустить такое предположеніе, то оказалось бы, что вы, православный священникъ, забыли, одинъ изъ величайшихъ заветовъ Христа; „А я говорю вамъ: не противься злему. Но кто ударитъ тебя въ правую щеку твою, обрати къ нему и другую“ (Матѣ. 5. 39). Христосъ высказалъ этотъ свой заветъ въ противовѣсъ древнему: „око за око“, „зубъ за зубъ“. Такъ неужели же допустима даже мысль о томъ, что вы, проповѣдая народу идеальныя заветы Христа, придерживаетесь правила: „око за око“... когда дѣло касается васъ лично? Очевидно, это абсурдъ, этого быть не можетъ!

Что же мнѣ отвѣчать моимъ корреспондентамъ? Я не знаю. Я не вижу другого выхода, какъ обратиться къ вамъ настоящимъ открытымъ письмомъ и просить васъ отвѣтить за меня.

Мы ждемъ вашего отвѣта. И я увѣренъ—вы отвѣтите. Вы не можете не отвѣтить, потому что, какъ христіанскій пастырь,

знаете лучше многихъ другихъ: „нѣтъ ничего тайнаго, что не сдѣлалось бы явнымъ, ни сокровеннаго, что не сдѣлалось бы извѣстнымъ и не обнаружилось бы“. (Лука. 8. 17).

* * *

9-го января начались занятія на музыкально-драматическихъ курсахъ Фистулары и Заславскаго. Завѣдывающій драматическимъ отдѣломъ Е. П. Карповъ произнесъ вступительную рѣчь, въ которой изложилъ основные принципы преподаванія драматическаго искусства. По мнѣнію лектора, безъ школы нѣтъ артистовъ. Непосредственное обращеніе къ практикѣ въ концѣ-концовъ является той же школой, но школой жестокой и несистематической. Задача руководителей и сводится къ тому, чтобы замѣнить ее школой, послѣдовательно развивающей способность воспримчивости и передачи сначала примитивныхъ чувствъ, а затѣмъ и сложныхъ эмоций съ тѣмъ расчетомъ, чтобы для проникновенія новой ролью учащій находилъ зачатокъ переживаній въ предыдущей. Лекторъ въ краткихъ, но яркихъ чертахъ обрисовывалъ исторію сценическаго искусства и особенно подчеркнул значеніе послѣдней эпохи, расширившей и усложнившей задачи актера.

* * *

Спектакли нѣмецкой оперетки привлекаютъ довольно много публики, несмотря на то, что труппа лишилась своего лучшаго украшенія—Бетти Стоянъ, которая въ этомъ сезонѣ, какъ видно, совсѣмъ не выступаетъ. Приходится обходиться вторымъ персонажемъ. Послѣдняя новинка—„Божественный мужъ“ въ 2 актахъ, музыка Легара. Сюжетъ—миръ объ Юпитерѣ, принимающемъ обликъ Амфитріона, чтобы воспользоваться женой послѣдняго. Музыка—легка, граціозна, но лишена оригинальной бойкости „Веселой вдовы“. Что сказать объ исполненія? Мы не раздѣляемъ восторговъ нѣкоторыхъ предъ талантливостью нѣмецкихъ опереточныхъ артистовъ. Но, конечно, это добросовѣстная работа, и вотъ чѣмъ нѣмецкая оперетка выгодно отличается отъ русской, гдѣ обычно „амикошонствуютъ“ съ публикою вмѣсто того, чтобы серьезно играть шутовскія роли, серьезно дѣлать глупости и серьезно смѣяться. Это вовсе не синекура—опереточное дѣйство, а трудъ. Истина, которой у насъ не понимаютъ и которую отлично усвоили нѣмцы.

* * *

Малорусскій театръ. 10 января въ драматическомъ театрѣ открылись спектакли украинской труппы О. З. Суслова.

Была поставлена старая опера „Запорожець за Дунаємъ“ и веселая комедія Квитко-Основьяненко „Шестьменко-деньщикъ“.

Въ первой пьесѣ выдѣлились Г. Сусловъ, заставившій хотать публику до упаду, понравилась г-жа Зарницкая, своимъ красивымъ мелодичнымъ голосомъ спѣвшая дуэты съ г. Луговымъ. Весело провела роль Одарки г-жа Чарновская. Красивый султанъ г. Каменко.

Публика на малорусскихъ спектакляхъ всегда оживаетъ при удалыхъ звукахъ гопака и заставляетъ биссировать бѣдныхъ „парубковъ“ несчетное число разъ. Тоже, конечно, было и на этомъ спектаклѣ: веселое гиканье танцоровъ, громъ музыки и топотъ сапогъ—заглушались восторженными рукоплесканіями.

Что касается второй пьесы „Шестьменко-деньщикъ“—то восторги публики выпали на этотъ разъ на долю талантливаго комика Манько.

Дѣйствительно, этотъ талантливый артистъ въ продолженіи 2-хъ актовъ смѣшилъ публику до слезъ.

Открытіе собрало огромное число публики, явленіе почти небывалое для украинскаго театра.

Сергей І-й.

* * *

Невскій фарсъ. Въ бенефисъ г-жи Мосоловой шель фарсъ „Оригинальная страсть“, дѣйствительно, съ оригинальными положеніями. Пепита (Мосолова) теща капитана, испанка, мечтаетъ, конечно, о торреадорѣ. Таковымъ, по ея мнѣнію, является деньщикъ зятя—Викторень (Смоляковъ). Она тайно выходитъ за него замужъ. Деньщикъ—тестъ капитана. На этой канвѣ и развивается все дальнѣйшее дѣйствіе. Положеніе деньщика „осложняется“ тѣмъ, что Пепитѣ дѣлается предложеніе командирѣ полка (Николѣвъ). Къ счастью, появляется неожиданная спасительница въ лицѣ... коровы, которую привели для продажи родные Викторена. Хотя бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, но корова г-на Казанскаго напугала за кулисами все общество, промчалась по сценѣ, затѣмъ обратно съ женщиной на рогахъ.

Викторень оказывается трусомъ, но чудеса храбрости проявляетъ полковникъ, онъ убиваетъ корову—и на правахъ торреадора овладѣваетъ сердцемъ испанки. Пепита принимаетъ его предложеніе и все кончается благополучно.

Бенефисъ собралъ полный театръ, было много подношеній. Г-жа Мосолова была въ ударѣ и съ шикомъ играла огненную, страстную испанку. Хорошъ былъ г. Николаевъ (полковникъ), Смоляковъ (Викторень) нѣсколько однообразенъ. Столь же однообразны г-жа Дарова и г. Юреневъ (къ тому и ролей не

знали). Всеобщее веселье вызвала г-жа Яковлева (Кракле), которую на рогах выносить корова.

Въ заключеніи шелъ первый актъ обзорѣнія „Маршъ въ фарсъ“.

Наибольшій успѣхъ имѣли, попрежнему, г-жи Ручьевская (баба), Яковлева (Комикоссаржевская) и г. Смоляковъ (поэтъ Валерій Флюсовъ), прочитавшій недурную поддѣлку на „Панихиду“, — пожалуй, и не отличишь... *Victor.*

* * *

Петербургскій театръ Н. Д. Красова. Вопросы врачебной этики, профессиональная и частная жизнь врачей, такъ близко стоящихъ къ людскимъ „болѣзнямъ и печалямъ“, даютъ обширный матеріалъ для писателя.

Врачъ филантропъ „святой докторъ“ съ одной стороны, а съ другой врачъ — карьеристъ, эгоистически строящій свое благополучіе на людскихъ страданіяхъ, не отзываясь на нихъ душою, врачъ — бюрократъ, — эти типы съ ихъ разновидностями заслуживаютъ вниманія писателя.

В. И. Томашевская въ своей новой пьесѣ, — „Старый другъ“, исполненной труппой Н. Д. Красова, рисуетъ жизнь врачебнаго персонала провинціальной больницы.

Двѣ драмы идутъ параллельно. Мы видимъ какъ удача портитъ врача, сдѣлавшаго быструю карьеру, какъ онъ становится формалистомъ — чиновникомъ и жестоко мститъ „старому другу“, врачу — „человѣку“ за его простодушную откровенную критику дѣйствій товарища юныхъ лѣтъ. „Старый другъ“ погибаетъ, не переживъ разочарованія въ людяхъ, насмѣшки надъ справедливостію. А рядомъ мы видимъ будничную драму юноши — идеалиста, поэта-мечтателя, сталкивающегося съ буржуазно-пошлой, испорченной дѣвушкой, дочерью „сѣдѣннаго“ врача, которая женитъ на себѣ доверчиваго фантазера и губитъ и его, и себя, доведя мужа до отчаянія и преступления.

Жаль, что г-жа Томашевская первую драматическую коллизію сводитъ къ увольненію „знаменитостію“ „старого друга“ изъ больницы за извинительное нарушение больницы службы, вызванное домашней драмою зятя-поэта и дочери. Надо было взять болѣе глубокое драматическое положеніе. Неужели хорошій, честный, популярный старый врачъ только изъ-за лишешія жалованья 20-го числа обреченъ на гибель.

Мало разработана и психологія душевнаго „надрыва“ преслѣдуемаго „начальствомъ“.

Типы врачебнаго персонала въ пьесѣ производятъ впечатлѣніе поверхностно обрисованныхъ.

Семейная драма поэта и пошлая карьера намѣчена также эскизно, характеры не носятъ на себѣ оригинальнаго освѣщенія, звучатъ отзвуками чего-то знакомаго.

Вообще г-жа Томашевская, и въ новой своей пьесѣ проявившая литературность и наблюдательность, дающая мѣстами жизненные штрихи, увлеклась „мелочами жизни“, вмѣсто широкой перспективы.

Песамъ изъ жизни врачей вообще не везетъ.

„Лебединая пѣсня“ г. Безпята, въ которой авторъ касался душевныхъ мукъ врача, сознающаго свою вину послѣ неудачной операціи, такъ-же страдала поверхностностію, и „Tollite verso“, беллетристическій этюдъ г. Лугового на ту же тему, производилъ несравненно болѣе яркое впечатлѣніе. Г-жа Томашевская написала свою пьесу неровно. Рядомъ съ живою сценою ожиданія въ больницѣ новаго главнаго врача, рядомъ съ характернымъ изображеніемъ совѣщанія врачей о „реформѣ“ въ больницѣ, мы видимъ лишь обрывки быта, лишь эпизодическія роли, вмѣсто характеровъ. Даже главное лицо — выкинутый „старымъ другомъ“ за бортъ старый врачъ, не вырисовывается въ опредѣленный образъ, хотя прекрасная игра г. Александровскаго и восполняетъ автора.

Г. Вахметевъ былъ представительнымъ врачомъ карьеристомъ. Типичная детали дала въ роли акушерки г-жа Корчагина. Г. Кречетовъ эффектный молодой врачъ донъ-жуанъ. Г-жа Казанская жизненно сыграла дрянную бабенку. Въ роли ея несчастнаго мужа г. Василенко далъ болѣе болѣзненности и нервности, чѣмъ прекрасноту и наивнаго идеализма. Вообще этотъ способный артистъ не подходилъ къ роли, которая требуетъ мѣстами сильнаго драматическаго подъема. Г. Василенко можетъ дать лиризмъ, характерныя черточки, но яркаго темперамента у него нѣтъ. Г-жа Арбелина изычно сыграла флиртующую петербургскую барынюку.

Пьеса имѣла успѣхъ, благодаря литературности, интересной темѣ, и хорошему артистическому ансамблю. Даже вторыя роли были выдвинуты г-жей Араповой, Истоминой, гг. Кудрявцевымъ, Новичевымъ, Брянскимъ и др. Автора вызвали.

Н. Тамаринъ.

* * *

Концертъ оркестра гр. Шереметева. 122 симфоническій концертъ Шереметева познакомилъ публику съ 4-й романтической симфоніей Брукнера. Нѣкоторые считаютъ эту симфонію одной изъ лучшихъ вышеупомянутаго автора. Причина кроется въ цѣльности и гармоничности всѣхъ ея частей, что,

понятно, производитъ выгодное впечатлѣніе. Надо замѣтить, что равноцѣнность всѣхъ частей произведенія у этого неровнаго по творчеству композитора встрѣчается рѣдко. Къ сожалѣнію, выигрывая, въ этомъ отношеніи, общей ровностію настроенія, 4-ая симфонія не глубоко схватываетъ романтическіе порывы. По глубинѣ мысли, 7-я симфонія Брукнера значительно превосходитъ ее, въ особенности *Cis-moll'*ное *Adagio*. Публикѣ понравилось болѣе скерцо симфоніи, чѣмъ другія части. Выступившій затѣмъ съ устарѣлымъ *fis-moll'*нымъ концертомъ Венявскаго, скрипачъ Колаковскій обнаружилъ большую технику, хотя не очень чистую въ нѣкоторыхъ пассажахъ. Болѣе успѣшно сыгралъ онъ на *bis* нѣсколько общезвѣстныхъ пьесокъ изъ заигранаго скрипичнаго репертуара.

Въ началѣ второго отдѣленія шло въ удачной инструментальной „На мотивъ 18 псалма“ Коптяева. Это свободное переложеніе Бальмонтомъ извѣстнаго псалма распределено талантливымъ композиторомъ для соло, хора и оркестра. Псаломъ былъ повторенъ. Слѣдующимъ большимъ хоромъ произведеніемъ была кантата „Сказаніе о градѣ Китежѣ“ московскаго композитора Василенко. Первоначально это произведеніе написано было въ формѣ кантаты и вызвало къ себѣ большой интересъ, но впоследствии оно было переработано авторомъ для сценическаго исполненія. Въ этой редакціи она значительно выиграла. Счастливымъ дополненіемъ является мрачный похоронный хоръ заволожскихъ иноковъ, отпѣвающихъ на смерть самихъ себя при погребальномъ звонѣ. Не всѣ части этого музыкально-драматическаго эпизода равны по качеству. За красивой и благодарной партіей гуслиря въ 1-й картинѣ, музыкально спѣтой г-номъ Сандуленко, слѣдуетъ мало интересный квартетъ и рядъ речитативовъ. Татарскія темы, характерныя сами по себѣ, мало разработаны и не достигаютъ должнаго подъема. Когда они являются контрастирующими фанфарами на фонѣ заунывнаго пѣнія китежанъ, тогда они производятъ впечатлѣніе. Исчезновеніе града тоже интересно по музыкѣ, хотя излишне сжато. На всемъ произведеніи видна спѣшность музыкальнаго письма. Она тѣмъ болѣе досадна, когда видишь ее у автора, имѣющаго что сказать.

W.

Письма въ редакцію.

М. г. 24-го января 1908 года въ Императорскомъ Московскомъ Маломъ театрѣ состоится празднованіе 25-лѣтія служенія Малому театру артиста Александра Ивановича Южина.

25-го января въ Литературно-Художественномъ Кружкѣ назначенъ банкетъ въ честь юбиляра.

Учрежденія и лица, желающія принять участіе въ юбилейномъ чествованіи А. И. Южина, благоволятъ прислать телеграммы, письма и прочія привѣтствія въ Москву, по адресу Литературно-Художественнаго Кружка (Б. Дмитровка, д. Вострякова) на имя И. О. Пальмина.

М. Н. Ермолова, А. А. Бахрушинъ, Вл. И. Немирович-Данченко, И. О. Пальминъ, Н. Н. Синельниковъ.

М. г. Мы, нижеподписавшіеся, большіе любители русскаго драматическаго искусства и частые посѣтители Симбирскаго театра, просимъ Васъ дать мѣсто въ Вашемъ уважаемомъ журналѣ нашему выраженію горячей благодарности мѣстной артисткѣ Е. Е. Эллеръ за удовольствіе, которое намъ доставляетъ ея талантливая игра, а также надежды, что и на слѣдующій сезонъ мы будемъ вновь привѣтствовать г-жу Эллеръ на подмосткахъ Симбирскаго театра. Примите увѣренія въ нашемъ глубокомъ уваженіи.

Е. Зеландъ-Дубельтъ, генералъ Дубельтъ, Елисавета фонъ-Бекманъ, Гуго фонъ-Бекманъ, Л. Аксеновъ, К. Дьякова, М. Иванова, П. Михайловъ, А. Журовъ, Н. Алтуховъ, М. И. Аксенова, Т. Журавлева, К. Арнольдъ, А. Шабельская, И. Калашниковъ, Н. Харкевичъ, А. Фортунато, Д. Красовскій, С. Бурскій, П. Александровъ, И. Сервиоровъ, В. Красовскій, В. Жако, В. Вѣлозеровъ, В. Ф. Александрова, О. Бестужева, А. Борейко, Н. Ванюшина, А. Медвѣдева.

М. г. На Рождественскихъ праздникахъ мною былъ приглашенъ изъ Полтавы суфлеръ Ленскій, совсѣмъ еще молодой человѣкъ, до окончанія сезона.

По полученіи денегъ на дорогу г. Ленскій выѣхалъ ко мнѣ въ Сумы, гдѣ сейчасъ же попросилъ на жизнь еще десять рублей, затѣмъ черезъ три дня получается на его имя телеграмма „Отецъ умеръ“, и г. Ленскій проситъ выслать въ Полтаву на похороны десять рублей, что и исполняетъ мой администраторъ; вслѣдъ затѣмъ ночью исчезаетъ г. Ленскій, оставляя письмо, что онъ вернется черезъ три дня, извиняется передъ товарищами, что ихъ подвелъ, обѣщая послѣ заглазить свою вину, а черезъ нѣсколько дней присылаетъ въ труппу артисткѣ письмо, что онъ „успѣлъ у г. Новаковского взять

25 руб. и теперь великопльно устроился“ и проситъ сообщить ему, какъ отнеслись къ его поступку всѣ члены труппы. По просьбѣ гг. артистовъ и артистокъ я и посылаю вамъ это письмо съ просьбой помѣстить его на страницахъ вашего уважаемаго журнала, дабы оно было отвѣтомъ г. Ленскому и тому подобнымъ лицамъ, позорящимъ корпорацію артистовъ.

Мы всѣ глубоко возмущены поступкомъ г. Ленского, впрочемъ отъ человѣка, который въ провинціи выставялъ себя за Собинова, срывалъ сборы и удиралъ чернымъ ходомъ (по его словамъ), можно было не только этого ожидать.

Директоръ С. Б. Новаковский, режиссеръ А. Г. Задонцевъ, Ф. Тамаровъ, А. Привѣтовъ, А. Ольгинъ-Гиричъ, Хвощинская, Таирова, Гр. Гарновъ, Снѣжина, К. Никифоровъ.

М. г. Позвольте мнѣ откликнуться нижеслѣдующими строками на письмо Вашего харьковского корреспондента, помѣщенное въ № 51 журнала за истекшій годъ.

Г. харьковскій корреспондентъ восклицаетъ: „Стоитъ-ли работать для нашей сцены настоящимъ переводчикамъ, если ихъ произведенію предпочитается спѣшная стряпня *промышленниковъ*?“ Я спрашиваю возмущеннаго критика: развѣ ему извѣстны тѣ внутреннія, интимныя побужденія, которыя руководили моей работой? Развѣ на фактахъ покоится его безапелляционная увѣренность въ томъ, что онъ имѣетъ дѣло съ промышленникомъ? И если ему хочется доказать, что миическій переводъ рекомендуемаго имъ автора роился на вершинахъ чистаго безкорыстнаго вдохновенія, то неужели въ распоряженіи г. критика нѣтъ для этого иныхъ средствъ, кромѣ очернения личности другого автора?

Затѣмъ г. корреспондентъ утверждаетъ, что „пѣса не понравилась публикѣ“, и зловѣще пророчитъ, что она „ничего не дастъ кассѣ“. Если я на это замѣчу, что „Талисманъ“ былъ повторенъ на слѣдующій же день послѣ первой постановки, что 6-го января онъ пойдетъ уже въ пятый и—какъ мнѣ доподлинно извѣстно—далеко не въ послѣдній разъ, то до очевидности станетъ яснымъ легкомысленное отношеніе г. Соколовскаго къ интересамъ своей кассы и серьезное отношеніе г. корреспондента къ интересамъ истины.

Прошу Васъ, м. г., принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи.

Сав. Каминскій.

Кіевъ, 1-го января 1908 г.

М. Г. Въ № 49-мъ Вашего уважаемаго журнала антрепренеръ г. Онѣгинъ, собравъ подписи „нѣкоторыхъ“ изъ состоящихъ у него на службѣ артистовъ, помѣстилъ краткое опроверженіе, въ которомъ смѣло называетъ все высказанное мною въ письмѣ моемъ, помѣщенномъ въ № 48-мъ, „ложью“. Предоставляя лицамъ, читавшимъ это письмо, судить о поступкѣ сотоварищей, подписавшихся подъ такого рода голословнымъ и оскорбительнымъ опроверженіемъ, которое, въ виду его наглядной и понятной имъ самимъ несправедливости, очевидно, не могло имѣть за собою никакого другого основанія, какъ желаніе выполнить волю своего принципа и сдѣлать ему угодное, заявляю, что я привлекаю лицъ, подписавшихся подъ этимъ опроверженіемъ, къ третейскому суду чести въ Бюро Театральнаго Общества. Кстати, одинъ изъ подписавшихся подъ этимъ опроверженіемъ, г-нъ Волинъ, вступилъ въ труппу спустя почти мѣсяцъ по оставленіи моемъ службы у г. Онѣгина.

На судъ чести, въ Бюро Общества я документально докажу, было ли хотя одно слово неправды въ помѣщенномъ мною письмѣ, а пока дальнѣйшую переписку по этому вопросу, впредь до рѣшенія суда чести я лично, по крайней мѣрѣ съ своей стороны, считаю излишней

г. Нахичеванъ н/Д.

Артистка М. В. Каренина.

М. г. Считаю своимъ нравственнымъ долгомъ довести до свѣдѣнія товарищей-артистовъ о распорядителѣ товарищества въ г. Изюмъ Харьковской г.: Георгіи Ильичѣ Ланинѣ.

Въ теченіе трехъ недѣль не было произведено ни одной дѣлѣжки, хотя въ контрактѣ у каждаго есть параграфъ, гласящій о еженедѣльной дѣлѣжкѣ.

На вопросъ товарищей Ланинъ отвѣчаетъ, что дѣлать нечего и на протесты заявляетъ всѣмъ, что это не товарищество, а „полуантреприза“. „Если вы не желаете у меня служить, то я дамъ телеграмму въ бюро и мнѣ на ваше мѣсто пришлютъ двадцать человѣкъ“. Между прочимъ отъ города Изюма до ближайшей желѣзнодорожной станціи 45 верстъ, которыя нужно проѣхать лошадами или пройти пѣшкомъ, какъ предлагаетъ Ланинъ каждому. Въ силу этого голодные товарищи обречены на цѣлый сезонъ голодовки, не имѣя возможности разѣхаться.

Какъ понимать слово „полуантреприза“ и есть-ли такъовыя?

Артистъ Александръ Кочановъ.

Малехкая хрохика.

*** На-дняхъ въ „Большой оперѣ“ Бостона состоялся спектакль („Трубадуръ“) при совершенно необычайной обстановкѣ.

Въ роли Манрико выступалъ извѣстный италіанскій теноръ Карло Альбани. Между первымъ и вторымъ актами явился въ театръ полицейскій и арестовалъ его по „warrant“ антрепренера нью-іоркскаго театра „Метрополитенъ-Опера“ Гаммерштейна. Режиссеръ бостонской оперы упрямивалъ полицейскаго отложить арестъ до окончанія спектакля, но блюститель закона былъ неумолимъ.

— Я не могу отпускать его отъ себя. Если вамъ угодно, я буду находиться на сценѣ, покуда онъ не окончитъ представленія. На другихъ условіяхъ я не вправѣ разрѣшить ему участвовать въ представленіи.

— Чортъ возьми, будь по вашему, идите на сцену—вскричалъ режиссеръ въ отчаяніи—это лучше чѣмъ возвращать публикѣ деньги.

Но отчаяніе режиссера дошло до крайнихъ предѣловъ, когда онъ увидѣлъ стража закона, невозмутимо шагающимъ и даже бѣгающимъ по сценѣ по пятамъ Альбани!

Какъ только артистъ вышелъ на сцену въ этой странной компаніи, въ зрительномъ залѣ произошло движеніе удивленія. Затѣмъ нѣсколько человѣкъ расхохотались и черезъ минуту въ залѣ отъ общаго хохота трясся уже самый потолокъ и звенѣла люстра.

Обезумѣвшій режиссеръ распорядился было опустить занавѣсъ. Публика настаивала на продолженіи спектакля.

Хладнокровіе, съ которымъ полицейскій „поспѣвалъ“ за своимъ арестантомъ, было поистинѣ уморительно. Въ залѣ слышались истерическіе вскрики—люди стонали, и задыхались, и корчились въ судорогахъ отъ хохота.

Такъ продолжалось до самаго конца. Нечего и говорить, что ни единого звука со сцены при явленіяхъ Манрико нельзя было слышать за гомерическимъ хохотомъ толпы. Одинъ разъ,—когда мать-цыганка открыла себя сыну и Альбани бросился къ ней чрезъ всю сцену, до умора потѣшно было видѣть, какъ зазѣвавшійся было полисменъ рванулся за нимъ, думая, что артистъ собирается дать тягу, причемъ опрокинулъ цыганку вмѣстѣ съ ея треножникомъ и котломъ.

Въ антрактахъ блюститель закона мирно пилъ пиво съ своимъ арестантомъ въ его уборной.

Ни одинъ спектакль оперы не прошелъ съ такимъ „успѣхомъ“.

*** Черты изъ жизни и... гардероба великой артистки. Дѣло идетъ объ Элеонорѣ Дузѣ. Во вторникъ прибылъ ея багажъ. Знаете, сколько его? 1,200 пудовъ! Нотабена: за багажъ, по контракту, платитъ импрессарио. Среди багажа—4 желѣзные печки!

— Печки-то зачѣмъ же?—спросилъ антрепренеръ, держа багажные квитанціи и почесывая за ухомъ.

— Я поставлю ихъ по 4 угламъ комнаты и буду грѣться, отвѣтила Дузѣ.

— Smaral! —воскликнулъ антрепренеръ, вспоминая про сплины и капризы Дузѣ.

Гардеробъ Дузѣ заключаетъ 18 сундуковъ подъ №№. Всѣ эти сундуки должны находиться въ театрѣ. Двѣ же комнаты въ Европейской гостиницѣ заняты гардеробными сундуками безъ №№. Сама Дузѣ занимаетъ 3 комнаты и камеристка—одну. Итого 6 комнатъ.

*** Успѣхи кинематографовъ „окрылили“ предпринимателей. Какъ мы слышали, нѣкоторые шустрые предприниматели собираются давать въ кинематографахъ пѣсы, имѣющія особый успѣхъ на сценахъ петербургскихъ театровъ. Главное затрудненіе—то, что приходится всѣмъ исполнителямъ съ полной обстановкой ѣхать въ Парижъ и тамъ сниматься, такъ какъ только въ Парижѣ техника кинематографа стоитъ на должной высотѣ.

По Провинціи.

Астрахань. Зимній театръ н-ковъ Плотникова на будущій зимній сезонъ 1908—9 г. остается снова за П. П. Струйскимъ.

Баку. Молодой украинскій антрепренеръ Левъ Сабининъ прислалъ изъ Харькова на имя редакціи „Каспія“ слѣдующую телеграмму:

„Шлю наилучшія пожеланія прессѣ, публикѣ и учащейся молодежи. Поздравляю съ праздниками. Всѣмъ сердцемъ въ дорогѣ Баку“. Дипломатично!..

Варшава. Директоромъ варшавскаго музыкальнаго института, за уходомъ г. Млынарскаго, приглашенъ пианистъ И. Падеревскій.

Елецъ. Намъ пишутъ: На-дняхъ, во время спектакля „Орлеанокъ“, шедшаго въ бенефисъ г-жи Леонтьевой, въ нашемъ драматическомъ театрѣ произошелъ прискорбный инцидентъ,



Д. М. Степанова.

(Къ 25-лѣтію сценич. дѣятельности).

завершившійся полицейскимъ протоколомъ и произведшій на публику удручающее впечатлѣніе...

Составленный дежурнымъ приставомъ протоколъ гласитъ (почти дословно) слѣдующее:

„Сего числа, на вечернемъ спектаклѣ крайняя литературная ложа была занята двумя дамами, штабъ-ротмистромъ О. и земскимъ начальникомъ Г. Компания эта, занимая мѣста около самой сцены, вела себя шумно, смѣялась, громко говорила и вообще такъ сильно мѣшала публикѣ и бенефицианткѣ, что эта послѣдняя послѣ 4-го акта была доведена до истерики. Все это заставило управляющаго театромъ г. Ратмирова по окончаніи 4-го акtavый-ти на авансцену и просить *почтительно* публику не смѣяться и не мѣшать играть. Это замѣчаніе было принято г. О. за личное оскорбленіе и онъ явился въ контору театра требовать объясненій отъ г. Ратмирова. При разговорѣ съ нимъ г. О. допускалъ все время оскорбительныя выраженія, называя его мерзавцемъ и т. д. Послѣ же замѣчанія г. Ратмирова, что онъ кричать на себя или оскорблять себя не позволитъ, г. О. бросился къ нему, намѣреваясь дать пощечину, но когда это ему не удалось сдѣлать, г. О. выхватилъ шашку изъ ноженъ и намѣревался нанести ударъ ею, но г. Ратмирову удалось отпарировать ударъ“. Протоколъ подписали свидѣтели: помощникъ елецкаго предводителя дворянства Д. П. Лаухинъ, городской врачъ Г. Орловъ, купецъ Г. Даевъ, антрепренеръ Н. Н. Алмазовъ, два пристава и другія лица.

Кровопролитія не случилось, благодаря энергичному вмѣшательству приставовъ гг. Бабынина и Эренса. Р—ичъ.

Елисаветградъ. Прискорбный фактъ. Артистка театра г-жи Поляковой г-жа Бяратинская печатно обвинила рецензента газеты „Голосъ Юга“ М. Востокова въ томъ, что онъ заходилъ къ ней въ уборную и сдѣлалъ двухсмысленное предложеніе. Редакція „Голосъ Юга“ отъ себя заявляетъ, что и до суда чести, предложеннаго г-жѣ Бяратинской г. Востоковымъ, она находитъ подобное использование положенія сотрудника газеты достаточнымъ основаніемъ къ прекращенію г. Востоковымъ сотрудничества въ газетѣ.

Г-жа Бяратинская судъ чести приняла.

Кіевъ. Одинъ изъ посѣтителей театра „Соловцовъ“ предъявилъ къ антрепренеру И. Э. Дуванъ-Торцову искъ о возвратѣ 60 коп., полученныхъ кассой театра. Въ прошеніи своемъ онъ указываетъ на то, что мѣсто оказалось „совершенно негоднымъ въ смыслѣ полной невозможности видѣть оттуда что либо изъ происходящаго на сценѣ“ и что дирекція не въ правѣ продавать билеты на подобныя мѣста.

Николаевъ. Опернымъ товариществомъ М. К. Макакова снятъ на пасхальную и Ооминую недѣли театръ Шеффера.

Н.-Новгородъ. Вопросъ о сдачѣ гор. театра все еще не рѣшенъ. Театральная коммисія собираетъ справки о „благонадежности“ антрепренеровъ у театральныхъ коммисій по мѣсту ихъ послѣдней антрепризы. Такъ, о г. Соболичковѣ-Самаринѣ, въ отвѣтъ на запросъ нижегор. театр. коммисіи, дала хорошую „рекомендацію“ казанская управа, о г. Медвѣдевѣ—владикавказская управа. Въ будущемъ антрепренерамъ придется въ своихъ заявленіяхъ о желаніи снять гор. театръ упоминать — „имѣю хорошія рекомендаціи“, совсѣмъ какъ горничныя или кухарки, публикующія о „рекомендаціяхъ“ отъ „хорошихъ господъ“.

Понятно желаніе театральной коммисіи получше узнать, съ кѣмъ ей придется имѣть дѣло. Но странно, что лица, заставляющія въ театр. коммисіи и, слѣдов., люди театральные, не знаютъ такихъ крупныхъ предпринимателей, какъ гг. Медвѣдевъ, Соболичковъ-Самаринъ, нуждающихся, по ихъ мнѣнію, еще въ особой „рекомендаціи“ и притомъ „рекомендаціи“

отъ театральной же коммисіи, по мѣсту ихъ послѣдней антрепризы. При такомъ порядкѣ вещей антрепренеры могутъ очутиться въ положеніи петербургскихъ квартиранданимателей, находящихся въ кабалѣ у старшихъ дворниковъ, исключительно съ отзывами которыхъ о квартиранданимателѣ считаются довлѣдъльцы...

Одесса. Декабрь далъ въ гор. театрѣ сбору до 27,000 руб. Расходъ за этотъ мѣсяцъ составилъ 25,500 руб., такъ что чистой прибыли поступило 1500 руб.

Постомъ въ Сибиряковскомъ театрѣ будетъ малороссійская труппа подъ управленіемъ г. Садовскаго.

— Опереточный антрепренеръ г. Новиковъ поставилъ въ свой бенефисъ оперетку Голлендера „Максимисты“. Спектакль прошелъ съ большимъ успѣхомъ, особенно понравилась публикѣ электрическая карусель въ финалѣ второго дѣйствія.

Очень хороша Ф. В. Капланъ въ роли „Мессалинеты“.

Орель. На будущій сезонъ театръ остался за В. А. Крамоловымъ.

Саратовъ. Драма дала городскому театру большой недоборъ. Получено всего за драматическій сезонъ 32,000 руб. вмѣсто обычныхъ 40—42 тысячъ руб.

Томскъ. Намъ телеграфируютъ: „Мѣстный купецъ Дашевскій строить новый зимній театръ, который сдастъ М. И. Каширину“.

Ярославль. Городская дума рѣшительно высказалась за немедленную постройку театра и на предварительные расходы ассигновала уже 15,000 рублей.

Жизнь театральная жизнь послѣ войны.

(Продолженіе см. № 1).

За скуку въ Срѣтенскѣ больше, чѣмъ вознаграждаетъ дорога по Шилкѣ и Амуру до Благовѣщенска. Пять дней непрерывной сказочной, захватывающей панорамы. Рѣка вьется, дрожитъ, бросается отъ одного берега къ другому отъ рваныхъ черныхъ, гранитныхъ скалъ къ отвѣснымъ краснымъ, зеленымъ, синимъ, мраморнымъ... Пароходъ идетъ «по створамъ», безпрестанно переходя отъ китайскаго берега къ нашему и обратно. (Створами называются бѣлые и красные столбы и фонари, по которымъ лоцманъ ведетъ пароходъ, ставя его по прямой линіи, соединяющей два послѣдовательные столба на разныхъ берегахъ). Богатство и пестрота видовъ, открывающихся съ каждымъ новымъ поворотомъ рѣки такъ бесконечно, что за пять дней даже утомляетъ. Подъ Благовѣщенскомъ наблюдается замѣчательное явленіе, особенно красивое ночью. Цѣлый рядъ горящихъ горъ. Отвѣсный, крутой берегъ саженой въ тридцать высоты на протяжении версты или двухъ весь изрытъ черными дырами, изъ которыхъ пышетъ пламя и клубится дымъ. Благодаря полной неприступности,—явленіе это еще не изслѣдовано,—полагаютъ присутствіе нефти. Трудно себѣ представить красоту этого горящаго и отражающагося въ водѣ берега... Вдругъ какой-то дикий ревъ пронесся надъ мрачнымъ, какъ будто пылающимъ Амуромъ. Вся толпа пассажировъ, наблюдавшихъ съ палубы горящія горы, сразу всполошилась.

— «Ничего, не беспокойтесь, это «мои» испугались огня». — Оборачиваюсь. Кричитъ какой-то офицеръ, съ нимъ красноносый чиновникъ и помощникъ капитана — всѣ навеселѣ... «Недоразумѣніе» выяснилось. На остановкѣ «Усть-Кара» одной изъ страшнѣйшихъ каторгъ, мы взяли на буксиръ баржу съ арестантами для отправки по Амуру на Сахалинъ... Это они кричали. Запертые на палубѣ въ громадную клѣтку, они неожиданно увидели пламя и испугались...



Элеонора Дуэ.
(Съ послѣдняго портрета).

Публика въ неловкомъ молчаніи разошлась по каютамъ... Не хотѣлось больше любоваться природой...

Въ Благовѣщенскѣ пристань въ самомъ городѣ или вѣрнѣе, весь городъ идетъ вдоль пристани. Городъ большой, золотопромышленный. Конецъ сентября, когда я былъ тамъ, какъ разъ время осенняго сѣзда золотопромышленниковъ послѣ лѣтнихъ работъ, удачно совпадающее съ началомъ зимняго сезона. Великолѣпное зданіе театра принадлежитъ общественному собранію (завѣдующій чл. Адриановъ). Театръ въ три яруса, типа Полтавскаго городского, на 1000—1200 р. сбора при первомъ рядѣ въ 3,50—4 р. Есть еще другой театръ, частный, тоже очень хорошій, но владѣлецъ купецъ-самодуръ и сдаетъ только на большой срокъ, такъ и пустуетъ третій годъ, какъ построенъ. Городской театръ содержится неважно—залъ грязенъ, декорация въ безпорядкѣ.

Въ прошломъ году здѣсь была антреприза Кумельскаго. Труппу эту я видѣлъ сейчасъ въ Хабаровскѣ—впечатлѣніе самое сѣрое. И вотъ съ этой труппой Кумельскій взялъ чистыхъ за сезонъ 12,000 р. (цифры мною проверены). Газеты (ихъ здѣсь три) бранились, публика бранится и сейчасъ, а ходила. Ходила потому, что шантановъ, какъ въ Иркутскѣ и Владивостокѣ еще нѣтъ, ходить некуда, а скука одолеваетъ. На текущій сезонъ и, кажется, на два слѣдующіе театръ снялъ было М. М. Петипа, который пріѣзжалъ сюда гастролировать со своей труппой, но... убоился. Уѣхалъ и оставилъ часть труппы въ безвыходномъ положеніи (имѣются факты).

Если принять во вниманіе, что съ прекращеніемъ навигаціи Благовѣщенскъ отрѣзывается отъ міра,—сообщаться можно только на лошадяхъ по льду

Амура, что стоитъ громадныхъ денегъ,—то можно понять состояніе оставшихся. Устроили нѣсколько спектаклей и кое-какъ успѣли добраться до Хабаровска, а тамъ ужъ рельсы...

Ахъ, рельсы!.. Только потолкавшись на этомъ Востокѣ, «на краю свѣта, близъ Посѣта, у самаго синяго моря», какъ писали въ войну солдатики, только въ этихъ дикихъ углахъ можно испытать то радостное сознаніе, что охватываетъ душу, когда ступишь ногой на рельсъ! Чувствуешь, что этотъ рельсъ связываетъ тебя со всѣмъ культурнымъ міромъ...

Сейчасъ театръ въ Благовѣщенскѣ взяла Сѣверская-Сигулина «боевая антрепренерша» и супруга одного изъ чиновъ мѣстной администраціи.—Труппа... Впрочемъ, труппу Сѣверская-Сигулина привезла изъ Россіи, а кто поѣдетъ сюда на тѣ условія, что она могла предложить? Но и съ этой труппой все-таки пока дышетъ. Теперь «боевая антрепренерша» сражается съ родительскимъ комитетомъ и въ театрѣ, и въ прессѣ. Несмотря на анонсы: «учащихся просятъ не приходить»,—чѣмъ хуже фарсъ (а «Предъявляютъ» и «Въ чужой постели» и здѣсь), тѣмъ больше учащихся въ театрѣ и пока съ этимъ ничего не сдѣлаешь. А если собрать небольшую труппу интеллигентной молодежи, заинтересовать ихъ дѣломъ, да и самимъ путешествіемъ,—то здѣсь можно сдѣлать блестящій сезонъ.

Собраніе сдаетъ театръ по 45 р. отъ спектакля съ освѣщеніемъ.

Есть здѣсь еще симпатичное общество любителей, имѣющее прекрасный гардеробъ, декорации, библіотеку. Они ставятъ главнымъ образомъ народные спектакли, по очень дешевымъ цѣнамъ, Островскаго, Гоголя, Шпагинскаго. Великолѣпно здѣсь работаетъ всегда циркъ. И да не покажется страннымъ,—это имѣетъ религіозную подкладку. Большой процентъ мѣстнаго простанородья и купечества—молокане, а имъ, почему-то, въ циркъ ходить разрѣшается, а въ театръ нельзя. Сейчасъ здѣсь строятъ громадный циркъ—Боровскій, владѣлецъ цирковъ въ Харбинѣ и Владивостокѣ. Публика дешевыхъ мѣстъ тутъ очень шумная, все пріисковые рабочіе. Во время одного изъ нашихъ спектаклей былъ такой фактъ. Въ первомъ ряду сидѣлъ пожилой, чудаковатый князь Д. какъ говорятъ уже лѣтъ 10, какъ сосланный сюда за какія-то веселія продѣлки изъ Петербурга. Во время хода дѣйствія князь громко чихнулъ. «Будьте здоровы, ваше сіятельство» раздалось дружнымъ хоромъ съ галереи. Князь всталъ, обернулся спиной къ сценѣ, поклонился и громко отвѣтилъ: «покорно благодарю». Я съ трудомъ сквозь смѣхъ довелъ свою сцену до конца. Но говорятъ, если бы онъ не отвѣтилъ, рабочіе могли-бы устроить скандалъ. Смотря по настроенію.

Вообще, нравы...—Въ Хабаровскѣ, напр., у меня на спектаклѣ одинъ китаецъ икалъ такъ громко, что капелдинеръ сдѣлалъ ему замѣчаніе. Китаецъ обидѣлся и сейчасъ же ушелъ изъ театра. Это былъ интеллигентный китаецъ, завѣдующій одной крупной фирмы. У нихъ, какъ вообще на Востокѣ, иканіе—признакъ хорошаго тона. Но играть подъ этотъ аккомпаниментъ не очень пріятно...

Чтобы только проѣхать весь Амуръ безъ лишнихъ остановокъ до Николаевска, нужно употребить около трехъ недѣль. Отъ Срѣтенска до Благовѣщенска 6—7 дней, до Хабаровска 5 дней и до Николаевска еще 5. Остановки въ этихъ пунктахъ на однѣ сутки. Т. к. я хочу оставить на конецъ очерка описаніе Хабаровска,—столицы Амура и наиболѣе интереснаго во всѣхъ отношеніяхъ города

Приамурья, то я раньше скажу о послѣдующемъ пунктѣ на Амурѣ—Николаевскѣ.

Николаевскъ самый отдаленный русскій городъ, верстахъ въ шестидесяти отъ устья Амура. Изъ Россіи туда можно попасть тремя путями (не считая долгаго—моремъ вокругъ Азіи изъ Одессы) 1. По желѣзной дорогѣ до Хабаровска семнадцать дней и оттуда пять дней на пароходѣ по Амуру, если попасть прямо къ рейсу, за день или за два, то изъ Москвы дней 25 на всю дорогу. Зимой отъ Хабаровска на лошадахъ по льду Амура, значитъ еще дольше. Второй путь, лѣтній, до Владивостока по желѣзной дорогѣ и оттуда на пароходѣ въ Николаевскъ. По числу дней приблизительно тотъ же, но пароходы ходятъ рѣдко, такъ что выйдетъ очень долго. Третій путь, какъ ѣхалъ я, самый интересный, но еще болѣе долгій. По желѣзной дорогѣ черезъ Нерчинскъ, Срѣтенскъ и потомъ по Амуру на пароходѣ (или зимой на лошадахъ по льду),—на это уйдетъ мѣсяца полтора.

Николаевскъ оживаетъ только лѣтомъ, главнымъ образомъ въ августѣ, когда идетъ ловъ рыбы. Тогда жизнь кипитъ, сѣздъ громадный. Зимой городъ засыпаетъ. Улицы превращаются въ снѣговья галлеи. По обѣимъ сторонамъ между тротуарами и мостовой, куда сгребаютъ снѣгъ, образуются снѣговья стѣны въ семь, восемь аршинъ вышины. Пѣшеходы не видятъ саней и наоборотъ. Вся жизнь этого города зависитъ отъ рыбы. Въ самое послѣднее время городъ приобрѣлъ большіе шансы на сильное развитіе въ недалекомъ будущемъ. Появились т. н. рефрижераторы для рыбы—колоссальные холодильники, которые даютъ возможность доставлять сотни тысячъ пудовъ рыбы въ самыя отдаленныя мѣста въ свѣжемъ видѣ. Это полный переворотъ въ рыбномъ дѣлѣ. Пока здѣсь только нѣсколько такихъ рефрижераторовъ, но и они уже вызвали этимъ лѣтомъ и осенью необыкновенное оживленіе. Съ мая по августъ н. г. здѣсь играла труппа Кумельскаго. Вредило дѣлу то, что приходилось играть въ душномъ общественномъ собраніи. Театра нѣтъ. Если потратить три, четыре тысячи на постройку хотя плохенькаго лѣтняго театра (мѣсто городъ даетъ бесплатно)—то можно недурно поставить дѣло. Часть труппы Кумельскаго ѣздила на Сахалинъ въ п. Александровскій. Вернулись, очарованные пріемомъ тамошней изголодавшейся интеллигенціи, но... полные сборы не превышаютъ ста рублей.

Амуръ послѣ Благовѣщенска еще шире и величественнѣе, но берега менѣе живописны. Только одинъ переходъ верстъ въ сто, гдѣ Хинганскій хребетъ пересѣкаетъ Амуръ—опять безконечно интересенъ своей мрачной, дикой красотой. Рѣка, вдругъ зажатая въ узкую каменную щель, съ дикимъ ревомъ бѣшено несется впередъ. Пароходъ дрожитъ, вся команда на палубѣ... Жутко и хорошо...

Еще въ Благовѣщенскѣ на пристани я обратилъ вниманіе на одного чрезвычайно элегантнаго китайца. Тонкое бритое и умное лицо удивительно напоминало Гудоновскаго-Вольтера. На палубѣ мы разговорились—онъ оказался 28-лѣтнимъ полковникомъ китайской службы. Окончилъ Шанхайскій университетъ, свободно говоритъ на шести европейскихъ языкахъ. Бывалъ въ Европѣ, по манерамъ настоящий лордъ съ косою. Между прочимъ, когда одинъ подвыпившій золотопромышленникъ упорно разговаривалъ съ нимъ на мѣстномъ русско-китайскомъ жаргонѣ,—китаецъ, поджимая губы, корректно замѣтилъ ему: «я свободно говорю по русски, вамъ не зачѣмъ ломать вашъ благозвучный языкъ». Это единственный случай, что я слышалъ отъ ки-

тайца такое замѣчаніе,—обыкновенно даже интеллигентные говорятъ на мѣстномъ «волапюкѣ». Самая конструкция китайскаго языка мѣшаетъ имъ овладѣть русскимъ. Въ образовавшемся отъ тренія двухъ языковъ «волапюкѣ»,—по большей части русскія, коверканныя на китайскій ладъ слова и китайскіе обороты, напр., китаецъ говоритъ: «моя хотѣтъ сыпи-сыпи мало-мало»—т. е. «я хочу поспать немного». Мой китайскій полковникъ ѣхалъ на ревизію китайскихъ правительственныхъ копей. Когда мы причалили къ ихъ пристани (Четвертая Падь), гдѣ развѣвался громадный черный драконъ на желтомъ флагѣ,—полковника встрѣтилъ цѣлый штабъ военныхъ чиновниковъ и караулъ. Меня поразило это китайское войско. Я видѣлъ въ Хайларѣ, Цицикарѣ (гдѣ ихъ 50000) и другихъ манджурскихъ городахъ китайскихъ солдатъ, но то были тѣ же обыкновенные китайцы, только съ очень не идущими къ нимъ ружьями и револьверами. «Изъ хорошаго желѣза не дѣлаютъ гвоздей, изъ хорошаго человѣка не дѣлаютъ солдата», говоритъ китайская пословица и тѣ манджурскіе солдаты по виду вполне оправдываютъ ее, но эти? Настоящіе солдаты въ полугерманской формѣ, прекрасно вооруженные, продѣлываютъ всѣ движенія съ точностью машины. Оказалось, что это лишь недѣлю назадъ прибывшій изъ «нѣдръ» Китая отрядъ новаго войска. Та же Японія, думалось невольно, значитъ, тамъ въ глубинѣ идетъ работа. А у насъ утѣшаются тѣмъ, что Китай переросъ милитаризмъ, бьютъ китайцевъ по всякому поводу «по мордѣ» и скандалятъ, скандалятъ безъ конца. Тутъ-же на пароходѣ нѣсколько «манчжурцевъ» разныхъ мастей играли въ карты. Всѣ перепились. Одинъ называлъ другого шуллеромъ, тотъ далъ ему оплеуху. Крикъ, пьяная ругань. Я не говорю объ англичанахъ, американцахъ, нѣмцахъ составлявшихъ 80%



Элеонора Дузе съ дочерью.

Съ картины Ленбаха.



Элеонора Дузе въ разныхъ роляхъ.

пассажировъ, но выраженіе лица китайскаго полковника... Я никогда его не забуду...

Хабаровскъ своимъ высокимъ, неприступнымъ берегомъ, церквами, коллосальнымъ памятникомъ Муравьеву-Амурскому нѣсколько напоминаетъ Кіевъ съ Днѣпра, но только Днѣпръ... какимъ жалкимъ кажется онъ передъ необъятнымъ просторомъ Амура, соединеннаго съ впадающимъ здѣсь въ него рукавомъ Уссури! Памятникъ Муравьева-Амурскаго стоитъ на гигантской скалѣ, острымъ угломъ врѣзывающейся въ заворачивающій Амуръ. Вода кипитъ, брызги разлетаются феерическимъ фонтаномъ вся скала съ памятникомъ кажется выходящей изъ водяного облака...

Хабаровскъ большой, хорошо обстроенный городъ, освѣщенъ электричествомъ, строится трамвай. Главный административный центръ Приамурья. Очень оригинально расположенъ. Три параллельные хребта направлены къ Амуру. По гребню каждого хребта идетъ улица. По среднему главная—Муравьево-Амурская. Ихъ правильно пересѣкаетъ рядъ параллельныхъ улицъ и всѣ онѣ одинаково трижды поднимаются на гребни и трижды опускаются. Много хорошихъ магазиновъ. Великолѣпныя общественныя зданія (какъ и вездѣ въ нашей Азіи). На улицахъ толпы китайцевъ. Всѣ рабочіе и мастеравые, приказчики—все китайцы. Представленіе о мрачномъ философѣ курильщикѣ какъ-то само собой исчезаетъ. Гдѣ соберутся три-четыре китайца ужъ слышенъ смѣхъ, веселый говоръ. Въ 35° морозъ при сахалинскомъ вѣтрѣ (его надо испытать, чтобы знать что это такое) сплошь и рядомъ слы-

шишь, какъ горланить пѣсню толпа оборванныхъ китайцевъ, починающая мостовую или водопроводъ. Въ самые жгучіе морозы китайцы кутають голову и ноги, но никогда не закрываютъ грудь и горло. Я самъ видѣлъ китайцевъ съ грудью настолько распахнутой, что были видны оба соска. Зато у нихъ почти не бываетъ горловыхъ и грудныхъ заболѣваній. Наши по прежнему ставятъ китайцевъ далеко позади собакъ и бьютъ по всякимъ поводамъ и просто для развлечения. Я видѣлъ десятки такихъ случаевъ. Китайцы покорно молчатъ, но напрасно не обращаютъ вниманія на выраженіе ихъ лицъ, когда они по собачьи отходятъ послѣ полученной оплеухи. Боюсь, что этотъ злобный азиатскій огонекъ, что я замѣчалъ въ ихъ глазахъ, скоро разгорится въ большой пожаръ. Пожаръ, не знающій предѣловъ своей жестокости. Я самъ видѣлъ здѣсь казака со слѣдами китайской войны. Они вырѣзали изъ его кожи лампасы, погоны и три медали на груди, содрали ее и присыпали солью. Только случайно налетѣвшій казачій разъѣздъ спасъ его отъ дальнѣйшихъ манипуляцій... Не буду писать объ японцахъ, которыхъ здѣсь тысячи. Скажу только, что главная нотка ихъ отношенія къ русскимъ послѣ войны—корректная пренебрежительность.

Примѣровъ видѣлъ достаточно.

Театральное дѣло въ Хабаровскѣ, не смотря на обиліе помѣщеній, является еще совсѣмъ новымъ. Есть большой театр—циркъ Матеуса. Полный сборъ около 1200 р. при цѣнѣ перваго ряда—3 р. 50 к. Много дешевыхъ мѣстъ. Сдастъ его владѣлецъ по 16⁰/₁₀ съ валового сбора, безъ буфета и вѣшалки. Дастъ электричество и много декораций. Между прочимъ, какіе великолѣпныя рабочіе китайцы. Три человека при ихъ совершенно своеобразной системѣ работы замѣняютъ десять русскихъ. Второе помѣщеніе—Общественное Собраніе. Сборъ свыше 1000 р., хорошая сцена порядочныя декорации, красивый залъ клубнаго типа. Условія сдачи—100 р. въ вечеръ безъ буфета и вѣшалки. На рядъ спектаклей уступаютъ за 75 р. и даже за 50 р. Военное Собраніе, сборъ свыше 600 р. условія—25 р. въ вечеръ и 5 р. съ акта. Есть еще небольшой Народный Домъ и громадный циркъ (зимой катокъ). Первый драматическій сезонъ въ городѣ Хабаровскѣ былъ въ прошломъ году въ театрѣ Матеуса—антреприза Воронина и Табенцкаго. По ихъ отчету у нихъ былъ убытокъ, по мнѣнію здѣшнихъ театраловъ убытка не было. Я думаю что если и былъ небольшой, то виновата слишкомъ дорогая труппа. Были случаи, когда въ одинъ день въ Хабаровскѣ были сборы: въ театрѣ Матеуса на первомъ представленіи «Веселой вдовы»—1200 р., въ Общественномъ Собраніи на концертѣ Долиной—1400 р., въ Военномъ Собраніи—500 р. и въ Народномъ Домѣ—рублей 200, да и въ циркѣ еще сборъ, всего чуть ли не 4000 р. въ вечеръ! Публика есть, надо умѣть ее заинтересовать. Въ смыслѣ репертуара—непочатый уголъ. Нынѣшній антрепренеръ Кумельскій пробавляется «Сестрой Терезой», «Забубенной головушкой» и т. п., пока

не прошло ни одной новой пьесы. А интеллигентная публика жаждет новинокъ. Это видно было по спектаклямъ въ Собраніи, гдѣ прошли «Склепъ», «Долгъ» и другія. Были здѣсь Адельгеймы, былъ Петипа, была недурная труппа у Табенцкаго и теперешняя сѣренъкая труппа Кумельскаго съ его репертуаромъ, конечно не удовлетворяетъ. Несмотря на это, и онъ по моимъ расчетамъ возьметъ свыше сорока тысячъ. Въ ближайшемъ будущемъ, когда начнутся работы по проведению Амурской ж. д. Хабаровскъ еще оживится и тогда не трудно предсказать, что это будетъ крупнѣйшій театральный городъ нашей Азіи.

Александръ Любошъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).



М и х у т ы.

V.

Въ рецензіи г. Вл. Боц. въ «Руси» на моего «Чортушку», я прочелъ, что пьеса моя произвела на него впечатлѣніе «какъ будто давно написанной, но только теперь поставленной на сценѣ». Да, такъ оно и есть. «Чортушка» — обработка для сцены сюжета, который я использовалъ для рассказа «Послѣдъшъ» еще въ 1889 году, а потомъ для романа «Изъ тюрьмы на волю», напечатаннаго въ 1896 году. Когда я переведенъ былъ изъ минусинской ссылки въ Вологду, то встрѣтилъ тамъ стариковъ, которые знали моего «Чортушку» лично и сообщили мнѣ о немъ кое-какія новыя преданія, что и натолкнуло меня на мысль обработать сюжетъ еще разъ — въ пьесу. А затѣмъ — начались цензурныя мытарства, длившіяся шесть лѣтъ. Противъ безсмысленной придирчивости и волокиты и я протестовалъ когда-то (въ 1905 году) именно на страницахъ «Руси», нынѣ справедливо догадывающейся, что пьеса моя, должно быть, написана давно *).

«Чортушка» — пьеса историческая: изъ послѣднихъ временъ крѣпостного права. Сюжетъ ея дала мнѣ одна изъ семейныхъ хроникъ стараго костромскаго барства, дополненная нѣкоторыми калужскими анекдотами о Б-гѣ, магнатѣ Лихвинскаго уѣзда и когда-то грозномъ московскомъ оберъ-полицеймейстерѣ. Славу и обаяніе этого Б-га я, какъ калужскій уроженецъ, сохранилъ съ дѣтства въ памяти: одно изъ первыхъ пугалъ и суетвѣрій! Нѣсколько сумасбродныхъ чертъ взялъ я и изъ біографіи знаменитаго князя Ю. Н. Голицына, увѣковѣченнаго, — слишкомъ снисходительно, къ слову сказать, — юмористическимъ наброскомъ Герцена. Если бы Герценъ зналъ, что творилъ этотъ артистическій «чортушка» въ своихъ имѣніяхъ, не такъ-бы, не добродушнымъ-бы смѣхомъ однимъ онъ съ Голицынымъ справился!

Въ драматической цензурѣ моя пьеса была оставлена съ мѣста въ карьерѣ, какъ «возбуждающая сословіе противъ сословія». Литераторъ *), черезъ котораго проводилась пьеса, указываетъ цензору, что нѣсколько поздно возбуждать сословіе противъ сословія крѣпостнымъ правомъ, отмѣненнымъ сорокъ лѣтъ назадъ. И, наконецъ, напротивъ: сословія, до извѣстной степени, даже сливаются въ пьесѣ, такъ

какъ любовная интрига ея напоминаетъ некрасовскаго «Огородника».

— Герой пьесы «Чортушка» князь Радунскій, — ужасный самодуръ, — протестуетъ цензоръ. — Нельзя представлять дворянина, умирающимъ въ столь нераскаянномъ видѣ...

— Помилуйте! Да онъ же — и то — отпустилъ крестьянъ на волю...

— Ну, это какое раскаяніе!

Получивъ такое оповѣщеніе, я, признаюсь, пришелъ въ искреннѣйшее негодованіе, потому что отъ меня требовали совершеннѣйшей безсмыслицы и порчи всего типа.

Пишу моему посреднику:

— Не могу исполнить требованій цензора уже потому, что въ послѣднемъ дѣйствіи князь разбить параличемъ и безъ языка. Для возвращенія князю рѣчи и приведенія его въ должное раскаяніе, надо пригласить, по крайней мѣрѣ, о. Іоанна Кронштадтскаго, но вѣдь выводить на сцену лицо духовнаго сана цензурою также воспрещается.

«Приказъ» общевзурить этого проклятаго князя для сцены смутилъ меня настолько, что князь мнѣ даже по ночамъ сталъ сниться — «въ раскаянномъ видѣ»: дразнилъ меня языкомъ, приплясывалъ и пѣлъ покаянный гимнъ:

— О, Творецъ! о, Творецъ!

Ахъ, какой я былъ подлецъ!

ПЕТЕРБУРГСКІИ ТЕАТРЪ



„Чортушка“, А. Амфитеатрова.

Князь Радунскій (г. Черкасовъ).

Рис. М. Слѣпня.

*) См. во 2-мъ изданіи моего „Литературнаго Альбома“ статью „Драматическая Анастасія“.

**) В. А. Тихановъ.

Драматическая труппа Народнаго дома Императора Николая II.



1-й рядъ: С. Назаровъ, прпр. Ульяновъ—Старый закалъ. А. Долинъ, Жинуля—Кашир. стар. В. Романковъ, Лѣной дѣдъ—Заколдов. кругъ. В. Алѣксій, Шикъ-Алей—Цокорев. Казанъ. Д. Даръ-Владимировъ, Маркъ—Новый мѣръ. А. Войковъ, Хлестаковъ—Ревизоръ. В. Васильевъ—Супиревъ, М. Малыгинъ—Кутузовъ, 12-й годъ. М. Розентъ-Санинъ, Нахимовъ—Севастополь. П. Никольскій, Несчастливцевъ—Лѣтъ.
2-й рядъ: Л. Красавскій, Индейцъ—Вокругъ свѣта. Д. Крыловъ, Протогепъ—Велизарій. В. Владимировъ, Сотинъ—Вій. А. Скарятинъ, Латро—Мученица. И. Петровичъ—Петръ Великій, А. Рязанцевъ, Василій—Кашир. стар. Ф. Богдановъ, Скавозубъ—Горе отъ ума. А. Чарекій, Слославъ—Разр. трапа. Пегропанловскій, Вобъ—Дѣти капит. Граф. Муравлевъ, Аббатъ—Дочь преступницы.

(Къ 10-лѣтнему юбилею).

Но теперь, но теперь
Буду ангелъ, а не звѣрь!

Потому что именно превращеніе звѣря въ ангела и требовала отъ меня цензура...

Пьеса перешла къ другому цензору, съ репутаціей «ласковаго» *). Этотъ ужаснулся любовной интриги.

— Что? барышня связалась съ дворовымъ парнемъ? Ни за что! Пусть бѣжитъ съ офицеромъ!

Получивъ такое удивительное предложеніе, опять равносильное тому, чтобы изломать всю пьесу и написать ее заново, сказавъ и идею, и историческую правду, и обстановку, я могъ только спросить хлопотавшаго друга:

— Справьтесь, какой видъ оружія цензура предпочитаетъ?

Ибо—хотя чувствовалъ я, что всего благонадежнѣе любовникомъ героини сдѣлать жандармскаго полковника, но, все-же, сцена имѣетъ свои законы вѣрности: кто-же изъ публики въ жандармскую любовь повѣритъ?

Затѣмъ предъявлено было требованіе—перенести дѣйствіе въ Екатерининскую эпоху...

— Авторъ ошибается, — увѣряли моего посредника, — такого крутого крѣпостного права при Николаѣ I уже не было... Это—екатерининскіе нравы! Пусть перенесетъ, отъ этого пьеса только выиграетъ...

Словомъ:

Если пишешь ты, „страстную Лизу
Полюбилъ русокудрый Иванъ“, —
Переносится дѣйствіе въ Пизу,
И спасенъ многотомный романъ!

Приходилось указывать на Писемскаго и Салтыкова, на Атаву, не говоря уже о томъ, что подробности крѣпостной обстановки были мною раз-

*) И. М. Литвиновъ.

виты по «Уголовнымъ процессамъ» Любарскаго, содержащимъ много интересныхъ дѣлъ по злоупотребленіямъ помѣщичьей властью именно при Николаѣ I. Кстати сказать. Въ пьесѣ моей есть дѣйствующее лицо молодой чиновникъ особыхъ порученій Павелъ Михайловичъ Вихровъ. Онъ не имѣетъ въ пьесѣ особенно важной роли, но актеръ, его играющій, если хочетъ, могъ-бы гриммироваться молодымъ Писемскимъ, такъ какъ сцена Вихрова съ «Чортушкой» дословно передаетъ одно изъ костромскихъ о Писемскомъ сказаній. Поэтому я и назвалъ чиновника Павломъ Михайловичемъ Вихровымъ: имя, подъ которымъ Писемскій вывелъ самого себя въ «Людахъ сороковыхъ годовъ».

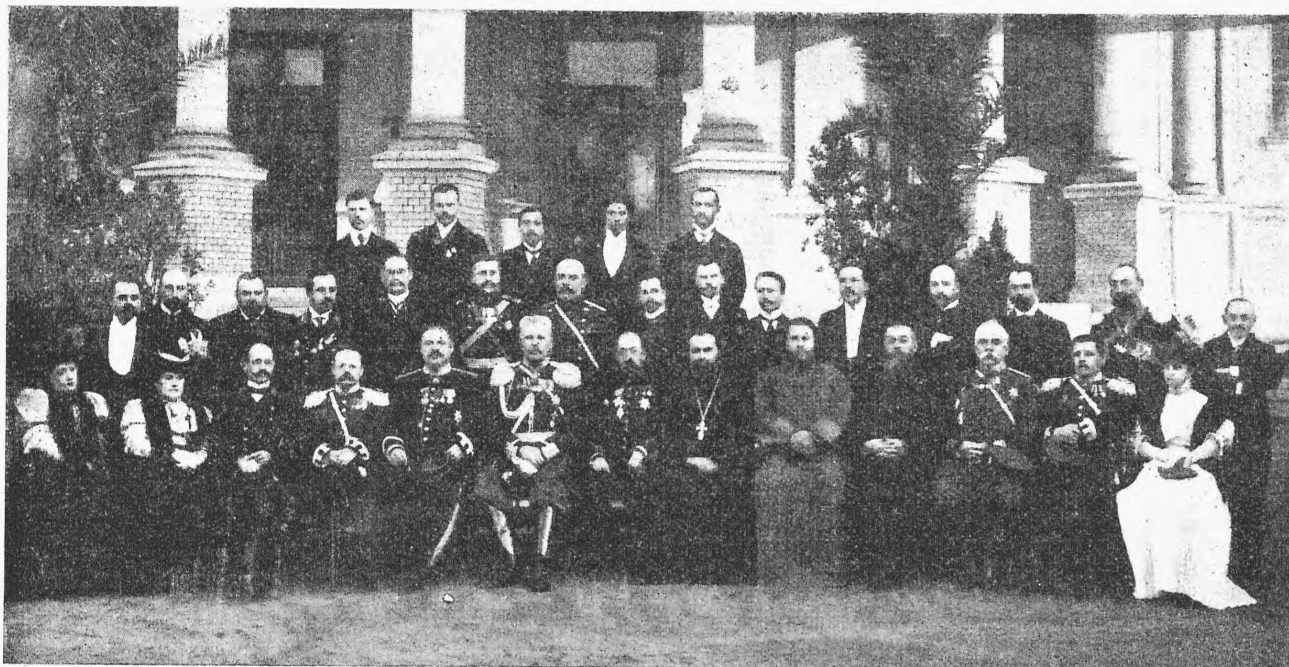
Но, сколько ни защищали мы бѣднаго «Чортушку», — увъ! ничто не помогало. Посредникамъ моимъ твердили одно и тоже:

— Нѣтъ «прецедентовъ» для пропуска такой пьесы. Отвѣтственность на себя брать не хотимъ. Либо передѣлайте пьесу, какъ мы желаемъ, либо берите огъ насъ ее сами, либо мы ее запретимъ безповоротно.

Я взялъ пьесу съ тѣмъ твердымъ рѣшеніемъ, чтобы никогда не представлять ни ея, ни какой другой драматической работы въ это изумительное учрежденіе, гдѣ съ правомъ художественнаго замысла, каковъ онъ ни будь, распоряжаются хуже, чѣмъ на Прокрустовомъ ложѣ: сіе обруби, сіе вытяни, сіе ушей, сіе пришей, сіе заштопай, сіе перекрой заново...

Послѣ «свободъ» стало какъ будто легче. На сцену проскользнуло нѣсколько пьесъ, которыхъ до 1905 года въ цензуру и представлять не стоило. Ну, — чего-же лежать старику на боку? Пошелъ и «Чортушка» опять на экзаменъ театральной жрицы. На этотъ разъ, А. Р. Кугель провелъ его чрезъ врата адавы чуть-ли не въ одни сутки и съ весьма незначительными поврежденіями, о которыхъ, впро-

Группа членовъ комитета и администрація СПБ. Попечительства Трезвости.



1-й рядъ слѣва: В. Григорьева. М. Григорьева. В. Андрушкѣвичъ. Д-ръ В. Краюшкінъ. К. Строгановъ. А. Черепановъ. Тов. пред. ком. М. Чулицкій. Дѣлопр. ком. св. П. Поляковъ. Дьяк. К. Васильевъ. Я. Коцянъ. Д. Васильевъ. Д-ръ А. Молодовскій. А. Петрова.
 2-й рядъ: С. Сизовъ. В. Уманскій. Г. Люцидарскій. Н. Приваловъ. А. Алексѣевъ. П. Петровъ. Д-ръ А. Ставскій. К. Плеаревъ. В. Окнянцъ. М. Аржиловскій. Е. Вестужевъ. Д-ръ А. Мендельсонъ. Д-ръ М. Добровольскій. Н. Караевъ. П. Алексѣевъ.
 3-й рядъ: Д. Климаковъ. Н. Тороповъ. И. Лавтяевъ. Н. Гудковъ-Вѣляковъ. М. Зольниковъ.

(Къ 10-лѣтнему юбилею).

чемъ, даже и судить не могу, такъ какъ цензурнаго экземпляра «Чортушки» не видалъ.

Да, идешь на сцену молодымъ человѣкомъ, а приходишь на нее—изъ-подъ цензурной арки—уже, въ нѣкоторомъ родѣ, «въ красѣ сѣдинъ». Самому то это—куда ни шло, но слово-то старится и уже не ко времени приходится,—вотъ что печально. И такъ-то всегда не везло мнѣ съ драматическою цензурою. «Полоцкое Разоренье» я написалъ, когда мнѣ было 24 года, а смотрѣлъ на сценѣ 36-лѣтнимъ литераторомъ, который, выходя раскланиваться съ публикою, чувствовалъ себя очень сконфуженнымъ, точно онъ кланяется не за себя, а за кого-то давняго-давняго и совсѣмъ чужого. «Отравленная Совѣсть» блуждала отъ Ирода къ Пилату семь лѣтъ, «Оруженосецъ», поставленный за двѣ недѣли до моей ссылки, вслѣдъ за послѣднею исчезъ съ Императорской сцены, а «Чортушка» добрелъ до публики, сѣдой отъ напрасно потеряннаго времени и безцѣльной волокиты...

Я драматургъ случайный и лишь «между прочимъ». Судьба той или другой моей пьесы для меня не значитъ «быть или не быть», успѣхъ меня на небеса не возноситъ, неуспѣхъ—существованіе моего не отравляетъ и не сокращаетъ, съ движеніемъ пьесы по репертуару для меня не связаны матеріальныя необходимости и острые вопросы самолюбія. Но—Боже мой! какихъ-же нравственныхъ мукъ, какой крови сердца, какого воя и стона душевнаго должна стоять варварская и нелѣпая Прокрустова скамья цензурной волокиты тѣмъ истиннымъ драматургамъ, по призванію, для кого драматургія—любимѣйшее дѣло, дорогая и исключительная профессія, ихъ нутро, ихъ жизнь? Чего они-то надъ собою не терпятъ?! Какъ ихъ-то души и нервы въ этихъ истязаніяхъ измаялись! Русскій литераторъ, вообще, существо, рано изживающее жизнь, и потому старообразное. Но всѣхъ раньше старятся, все-таки, драматурги... У Чехова каждая

пьеса уносила годы жизни! Счастливымъ исключеніемъ являются, конечно, тѣ радостные ребята, которыхъ Господь Богъ фабрикуетъ аккуратно по казенной мѣркѣ Прокрустова ложа... Эти всегда сіяютъ, какъ новый мѣдный грошъ, и въ великолѣпнѣй благодушнаго существованія не уступаютъ даже передѣльвателямъ въ свои пьесы чужихъ романовъ!

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ моей московской квартирѣ, сидѣлъ и говорилъ какъ разъ на эту тему дряхлый драматургъ огромной знаменитости, творецъ двухъ лучшихъ, послѣ Гоголя, сатирическихъ комедій русскаго театра. И изъ старыхъ глазъ его текли горькія слезы, когда онъ говорилъ, что третья его комедія уже 26 лѣтъ лежитъ подъ цензурнымъ спудомъ, и что—теперь ему уже все равно: если она и увидитъ, наконецъ, свѣтъ рампы, то публика ровно ничего не пойметъ въ ней и будетъ скучать. Перемѣнились времена, нравы, поводы къ смѣху. Все перемѣнилось—кромѣ цензуры!.. И правъ былъ въ предсказаніяхъ своихъ драматургъ. Въ XX вѣкѣ цензура умилилась наконецъ надъ пьесою половины XIX и выпустила ее на сцену. И—сбылось: пьеса,—по своему времени полная блистательнѣйшихъ публицистическихъ выпадовъ, захватывающая веселостью и мѣткими бытовыми характеристиками,—поставленная въ 1901 году вмѣсто 1865, уморила публику скукою и грубою первобытною... И театръ, лишь черезъ силу, изъ приличія, чествовалъ знаменитаго автора, подъ шумокъ искренно недоумѣвая: почему-же онъ такъ знаменитъ, если пьеса его такая дряхлая и скучная? Авторъ-же понималъ наличность недоумѣнія и чувствовалъ себя безъ вины виноватымъ. Такъ—не виноватъ огурецъ, попавшій въ просолъ, что сталъ онъ огурецъ соленный, а не свѣжій, ну, а все-же, свѣжимъ-то ему уже не бывать и за свѣжій огурецъ ему собою не отвѣтить!.. Авторъ этотъ—покойный Сухово-Кобылинъ, а пьеса—«Смерть Тарелкина».

Ni plus, ni moins! При исторической наличности таких цензурных страстотерпцев — нашему ли брату обращаться к небесам ропоты свои?!

Александръ Амфитеатровъ.

1908. I. 15.
Lavagna.



Малехкій фельетохъ.

Лирическіе факты.

Г. Максимиліанъ Волошинъ далъ на страницахъ „Руси“ „ликъ творчества“ Валерія Брюсова, въ общемъ весьма лестный для послѣдняго. Поэтъ сравнивается съ великими завоевателями вроде Наполеона и Александра Великаго; „воленъ свою имперію сдѣлать всемірной“, „взошелъ на вершины творчества“; стихи его „вѣчны, какъ римскій сводъ“ и др.

Тѣмъ не менѣ Валерій Брюсовъ рѣзко протестуетъ противъ фактической стороны изображенія, называя все, что сообщено о его жизни, „рядомъ смѣшныхъ недоразумѣній“.

Протестъ этотъ въ свою очередь далъ возможность г-ну Максимиліану Волошину „изложить руководящія идеи“, которыхъ онъ придерживается „въ рядѣ литературныхъ характеристикъ“. Признаться, здѣсь для насъ, читателей, совсѣмъ новое открытіе. Для г-на Максимиліана Волошина „Литературная критика наиболѣе субъективный изъ всѣхъ видовъ лирики“, „произведенія художника нераздѣльны съ его личностью“, но въ то же время г. Максимиліанъ Волошинъ совершенно не интересуется фактами жизни поэта, событіями интимной жизни и создаетъ здѣсь по произведеніямъ, лицу, голосу, обстановкѣ поэта свою собственную новую дѣйствительность, которая, не совпадая съ настоящей, „безусловный фактовъ, реальнѣй реальностей“. О, конечно, обвиненіе въ нескромности, столь удручающее автора ликовъ творчества, падаетъ здѣсь само собой.

Положимъ, напр., онъ самъ — полный блондинъ, а мнѣ кажется худымъ брюнетомъ, въ чемъ я стараюсь убѣдить и его самого. Очевидно, онъ все-таки остается полнымъ блондиномъ, а я не дѣлаю никакихъ разоблаченій относительно его настоящей наружности. Впрочемъ разъ ужъ дѣло коснулось наружности, г. Максимиліанъ Волошинъ можетъ быть и правъ въ своей лиричности. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ поэтъ можетъ казаться себѣ красавцемъ, а въ дѣйствительности, уже настоящей, а не лирической, у него и деревянная шея, и обведенные глаза, и семинарскій сюртукъ.

Но какъ насчетъ другихъ „смѣшныхъ недоразумѣній“, напр., насчетъ „небылицъ“, рассказанныхъ о дѣтствѣ поэта, или интервьюерской неточности, кстати сказать, такъ и не разъясненной авторомъ ликовъ творчества, по которой поэту приписывается перенесеніе римскихъ поэтовъ Рутілія и Авзонія во времена Антониновъ? Неужели и здѣсь только „въ высшей степени субъективизмъ и лиричность“? Но, во-первыхъ, какъ поэтъ „можетъ знать“, что небылицы дѣйствительно небылицы („вѣдь онъ намъ является книгой и не можетъ судить о томъ, что другой прочтетъ въ немъ“), а во-вторыхъ, онъ еще долженъ быть благодаренъ автору ликовъ, что при своей жизни можетъ исправить „неизбѣжныя ошибки и неточности“ послѣдняго. А то вѣдь чего добраго, напр., ошибки Дневника Гонкуровъ, служащаго „указаніемъ и образцомъ“ для автора ликовъ, Эккермана, Эмиля Бержера, Андрѣ Жида, увѣковѣчившихъ литературные разговоры Гете, Теофиля Готье и Оскара Уайльда, такъ и оказались неисправленными.

Отчасти конечно хорошо, что намъ, читателямъ, разъясняютъ совершенно новый взглядъ на дѣйствительность, лирику и субъективизмъ, что мы узнаемъ о существованіи, помимо настоящихъ фактовъ, еще, такъ сказать, лирическихъ фактовъ Максимиліана Волошина.

Теперь по крайней мѣрѣ мы по собственной догадкѣ будемъ знать, что полный блондинъ можетъ быть одновременно и худымъ брюнетомъ, а лики творчества могутъ въ извѣстной степени оказаться „небылицами въ лицахъ“.

Арсѣ.



Къ юбилею Народнаго дома.

(Мелочи и наброски).

Наши артисты любятъ жаловаться на акустику театровъ. Но что сказать тогда о сценѣ Народнаго дома, которую съ обоихъ боковъ замыкаютъ трехсаженные пролеты? Среди попечительской труппы въ ходу остроумное прозвище этихъ подмостковъ: „открытый театръ въ закрытомъ помѣщеніи“.

Условія сцены создаютъ и особую манеру передачи, при которой всѣ усилія направляются на то, чтобы быть услышаннымъ несмѣтной толпой сидящихъ и стоящихъ зрителей. Ни о какихъ полутонахъ не можетъ, конечно, при этомъ быть и рѣчи.

— А вы опять играете?! грозно прикрикнулъ разъ режиссеръ на одного изъ артистовъ, когда тотъ попробовалъ давать оттѣнки.

Это, конечно, анекдотъ, но все же не лишенный характерности.

Наряду съ открытой сценой въ закрытомъ помѣщеніи, артистамъ приходится выступать лѣтомъ и на настоящей открытой сценѣ Петровскаго парка и сада „На Стеклянномъ“. Особенно тяжело играть въ жаркіе лѣтніе дни. Съ одной стороны условія открытой сцены заставляютъ все говорить въ публику, а съ другой хочется укрыться отъ лучей, которые не только заставляютъ щурить глаза, но обращаютъ самый легкій гримъ въ мутно сѣрые потоки.

Присутствіе на гуляньяхъ простого народа, нерѣдко впервые увидѣвшаго театральное зрѣлище, создаетъ свою особую атмосферу. Часто заключительныя слова акта вызываютъ лишь жидкіе аплодисменты, которые вдругъ переходятъ въ самую неистовую овацію, когда начинаетъ падать занавѣсъ. Разгадка въ томъ, что къ выраженію восторга примыкаютъ подлинныя зрители, которые только лицезрѣли актеровъ и не слышали ничего изъ того, что происходило на сценѣ.

Какъ давно замѣчено, передъ народной аудиторіей драматическія сцены вызываютъ столько же смѣху, сколько и слезъ, а въ особо критическихъ положеніяхъ зрители не прочь и сами принять участіе въ развязкѣ. Такъ, когда въ одной мелодрамѣ злодѣй, къ общему удовольствію былъ убитъ кинжаломъ, кто-то, не довольствуясь видомъ распостертаго труппа, громко крикнулъ актеру, нанесшему роковой ударъ: „дай ему еще разъ!“

Лѣтній сезонъ дѣлается особенно утомительнымъ для артистовъ, благодаря переѣздамъ по отдѣльнымъ театрамъ, расположеннымъ на окраинахъ города. Изъ Народнаго дома въ Екатеринбургъ или со Стекляннаго въ Василеостровскій звучитъ почта такъ же, какъ Аркашино „изъ Керчи въ Вологду“.

Зато зимній сезонъ болѣе утомителенъ по репертуару. Хроники въ десять—пятнадцать картинъ, дѣйствіе которыхъ переносится то на сѣверный полюсъ, то подъ тропики, не могутъ дать особенно выигрышнаго матеріала для исполнителей. Обычную участь актеровъ на третьи роли, обреченныхъ играть по нѣскольку ролей въ одинъ вечеръ, раздѣляютъ здѣсь и артисты, занимающіе болѣе или менѣе видное положеніе. Курьезно, что едва ли не единственно-эффектную роль Петра Великаго въ хроникѣ того же названія пришлось раздѣлить между двумя исполнителями, такъ-какъ жизнь монарха была обрисована цѣликомъ, начиная съ обученія потѣшнаго воинства и кончая спасеніемъ матросовъ на Лахтѣ.

Говоря о потѣшныхъ войскахъ нельзя не вспомнить любопытнаго анекдота.

Дѣло въ томъ, что первыхъ преобразенцевъ изображала рота одного изъ гвардейскихъ полковъ, которой и начали преподавать старинныя приемы. Послѣ долгихъ ученій эффектъ получился полный, — рота чисто и лихо продѣлывала всѣ приемы по-петровски. Но увы, никто не могъ предвидѣть горькихъ послѣдствій новой науки. Между тѣмъ въ одинъ прекрасный день фельдфебель пришелъ въ весьма кислому настроенію.

— Что съ вами? Вѣдь продѣлываютъ все прекрасно, обратились къ нему.

— Вотъ то-то, что такъ прекрасно, что не знаю, что и дѣлать, маланчиски произнесъ тотъ. Сегодня утромъ приходитъ на плацъ капитанъ, даетъ команду, а они „разъ! два!“, — всѣ какъ одинъ и отпрапортовали по-петровски.

Подлинное воинство видѣлъ, впрочемъ, Народный домъ не только при исполненіи „Петра Великаго“. Необъятнымъ званіемъ пользовались для разныхъ цѣлей. Особенно интересна была картина, когда здѣсь чествовали французскихъ моряковъ.

Послѣ исполненія гимна поднялось болѣе тысячи матросовъ, которые въ отвѣтъ стройно пропѣли марсельезу.

Съ этимъ событіемъ связанъ курьезъ, о которомъ долго не могли вспомнить безъ смѣха за сценой Народнаго дома. Поговорить съ французами было желаніемъ каждого, но вполне владѣли языкомъ лишь двое-трое, а большинство вспоминая отрывки изъ Марго, не рисковали подать реплику.

Но вдругъ одинъ изъ молодыхъ актеровъ небрежно объявляетъ о томъ, что его сейчасъ страшно утомилъ своей бесѣдой французскій офицеръ.

— Ну да, знаешь ты по-французски!—раздались кругомъ недовѣрчивые голоса.

— А еще бы нѣтъ, обидчиво отвѣчалъ рассказчикъ.

— Такъ вотъ поговори, отвѣтилъ кто-то, подводя бравого моряка.

Всѣ обратились во вниманіе.

— Bonjour! не моргнувъ глазомъ произнесъ знатокъ иностраннаго діалекта.

— Bonjour, monsieur! послѣдовалъ отвѣтъ.

— Comment vous portez-vous? такъ же стремительно выпалилъ онъ.

— Merci! fort bien, отвѣчаетъ собесѣдникъ.

Наступила мучительная пауза.

Лингвистъ съ холоднымъ потомъ на лбу обводилъ всѣхъ безпокойнымъ взглядомъ и, чувствуя, что все рушится, выпалилъ съ отчаянной рѣшимостью:

— Parlez—vous français?

Эффектъ привзошелъ всѣ ожиданія.

И. Д.

Новыя издахія „Театра и Искусства“.

„Дневникъ (Жизнь) падшей“ въ 5 дѣйствіяхъ, пер. Е. М. Бабекаго. Декорацій въ пьесѣ пять: 1-е дѣйствіе—гостинная, обставленная старинной нѣмецкой мебелью; 2-е д.—небольшая комната въ домѣ пастора Даубъ, представляющая одновременно пріемную и столовую; 3-е д.—Салонъ у Киндерманъ, богатая, ярко отдѣланная, комната, общая обстановка—рѣзко-кричащая; 4 д.—Будуаръ, красиво и со вкусомъ убранная, небольшая, уютная комната; 5 д.—Спальня, большая свѣтлая комната, отдѣланная и обставленная очень изящно. Ролей въ пьесѣ женскихъ—11, мужскихъ—15 и дѣтей—2 мальчика безъ словъ. По амплуа распределяются такъ: Тиміанъ—сильная ing dram., или молодая героиня (предпочтительно первое), Конни—ing-com., Долли и Молли—кокетки, характерн. молодцы, Киндерманъ—gr-dam., Рика—комич. стар. или мол. комич. характ., Фрауке—драм. старуха, Фрида—2-я комич. старуха, Берта, Каролина и сестра милосердія—аксесуарная, дѣти—безъ словъ, Готтебалъ—резонеръ, Томсенъ—характерн. комич., Эллбаумъ—2-й резонеръ, графъ Осдорфъ—мол. ком. фатъ, Мейнертъ—любовникъ-фатъ, Даубъ пасторъ—комикъ резонеръ, Шафесскій—мол. характ., Форзенъ—комикъ бар. Рамдорфъ—фатъ-резонеръ, Глиммъ—ком. простакъ, Киршбаумъ—комикъ-резонеръ, Вердеръ—2-й любовникъ, Гармсъ—герой-резонеръ, Фрицъ Квенеръ—характ. фатъ. Пьеса, несмотря на то, что передѣлана изъ романа Бема, сценична, яркія положенія, эффектные монологи, выигрышные роли. Роль Тиміанъ заключаетъ элементы „гастролерской“ роли. Тема пьесы, конечно, не нова. Въ режиссерскомъ отношеніи пьеса не представляетъ особенныхъ трудностей, также, какъ и въ декоративномъ. Продолжительность пьесы 2 1/2—2 3/4 часа безъ антрактовъ.

„Витязъ“. Пьеса въ 4 дѣйствіяхъ Н. Ю. Жуковской. Репертуаръ спб. театра Литературно-Художественнаго Общества. Декорацій въ пьесѣ три: 1-го и 4-го д.—просторная высокая, гостинная съ колоннами въ домѣ-дворцѣ Екатерининскихъ временъ, въ имѣніи генерала Очакова. Мебель и общая обстановка строго стильны. Семейные портреты по стѣнамъ; 2 го д.—будуаръ артистки Ванды Ленской; 3-го д.—гостинная-модернъ у Ксаны Очаковой. Ролей въ пьесѣ: женскихъ—10, изъ нихъ 2 горничн.—аксесуарныя, мужскихъ—9, изъ нихъ 3—аксесуарныя. По амплуа роли распределяются такъ: кн. Ахматова—gr-dame, Оксана—сильная ing-dram., Ванда—мол. героиня, Элла—coquette, Анна Федот.—характ. роль, Турченко—комич. стар., Таня—ing., com., Зина—ing., dram., ген. Очаковъ—драм. резонеръ, Данило—герой, Левко—любовникъ-неврастеникъ, Завьяловъ—фатъ, Лушинъ—быт. любовникъ, Глѣбъ—ком.-фатъ. Въ декоративномъ отношеніи наибольшій интересъ представляетъ декорация 1-го акта, а въ особенности эта же декорация въ 4 д. при уменьшенномъ общемъ освѣщеніи съ яркими полосами солнечнаго свѣта, пробивающимися сквозь щели заколоченныхъ оконъ и черезъ стеклянное окно сверху. Пьеса написана въ мягкихъ тонахъ, роли даютъ благодарный матеріалъ для исполнителей. Въ виду чрезмѣрныхъ длиннотъ, необходимы значительныя сокращенія и при постановкѣ г. режиссерамъ можно смѣло рекомендовать—прибѣгнуть къ купюрамъ, отъ чего пьеса только выиграетъ. При постановкѣ этой пьесы въ спб. Маломъ театрѣ допущены были слѣдующія измѣненія и купюры: 1) въ 1 д. въ „Пѣснѣ Морской Царевны“ исполнялись только первыя четыре строфы 1-го куплета, а все остальное вычеркивалось; 2) въ 4 д. выбираются два явленія: Глѣба и кн. Ахматовой; отъ словъ Лушина: „Что жъ, братцы“ (стр. 47) переходъ прямо къ словамъ Турченко:

„Здравствуйте! Что-жъ это вы затѣяли, дѣти мои?“ (стр. 48). Последнее измѣненіе было сдѣлано главнымъ образомъ, для сохраненія общаго мягкаго, элегическаго настроенія всего акта, которое рѣзко нарушается появленіемъ двухъ названныхъ дѣйствующихъ лицъ. Продолжительность пьесы безъ антрактовъ—2 ч. 45 м.

Театральныя замѣтки.

Снова пріѣхала Дузэ—«la Duse», какъ ее называютъ французы, словно это не человѣкъ, а явленіе. Я истосковался по ней за тѣ 11 лѣтъ, что не видалъ ея. Какъ мало прожито, какъ много пережито въ области театра!.. Мы, пожилые театралы, воспитались вѣдь на старинномъ—неправда ли?—понятіи, что театръ поглощается личностью актера. Наше театральное міросозерцаніе сложилось на впечатлѣніяхъ, которыя мы получили отъ мощныхъ представителей сценической индивидуальности. Въ наше время, когда говорили «кто режиссеръ?», то отвѣчали: «а чортъ его знаетъ!», но за то изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ, изъ устъ въ уста передавалось, какъ святыня, сказаніе о томъ, какъ игралъ Сальвини, какъ Дузэ, что представляла собою Савина, когда появилась на петербургскомъ горизонтѣ, что дѣлалъ Давыдовъ, когда игралъ Балзаминова и пр. Если бы теперь великая Дузэ пріѣхала къ намъ не окруженная лучами славы и всемірнаго триумфа, а неизвѣстною, хотя бы еще болѣе молодою и прекрасною, разумѣется, она бы не имѣла такого успѣха, можетъ

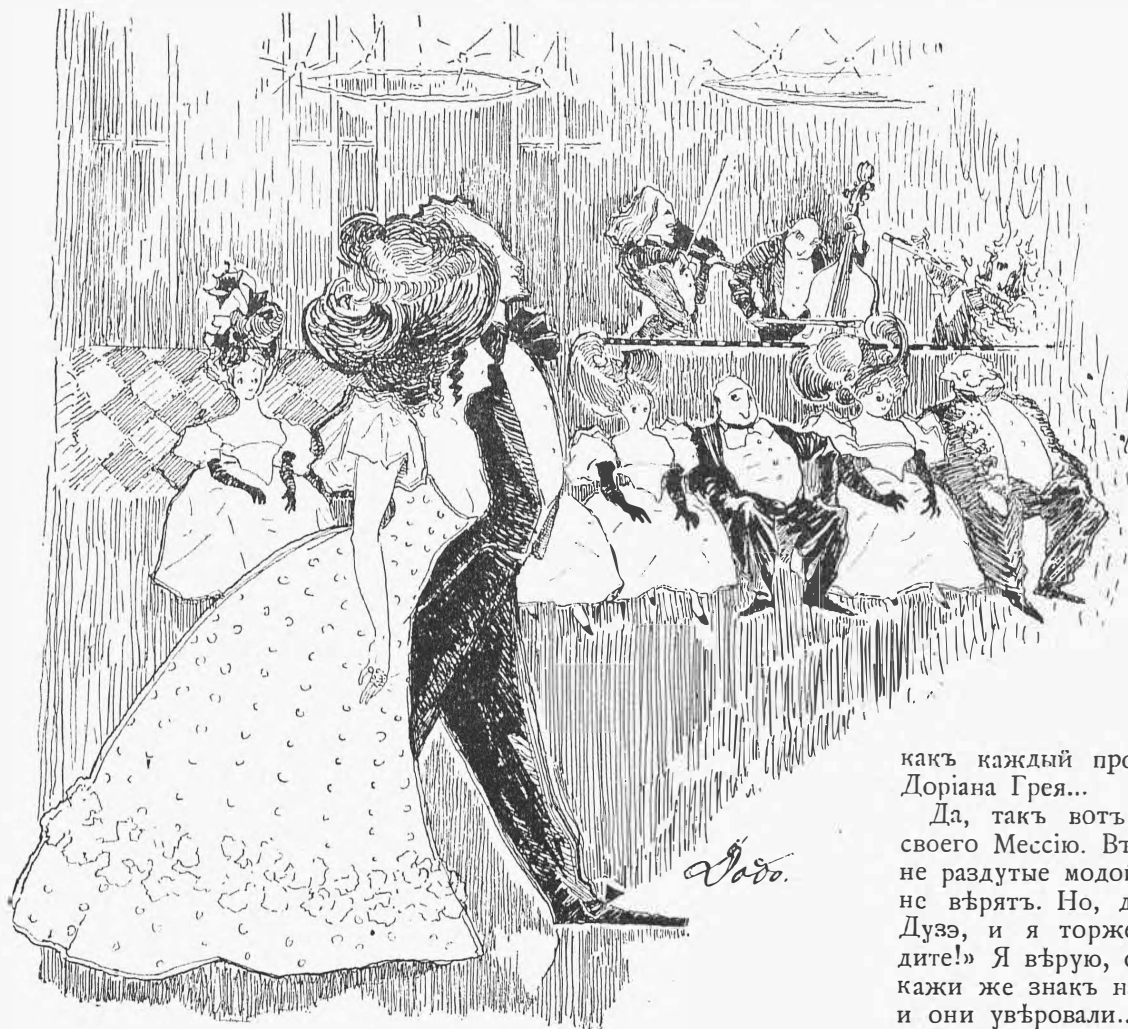
Московскій Художественный Театръ.



„Жизнь человѣка“, Л. Андреева.

— „Тише!... человѣкъ родился!“

МОСКОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.



„Жизнь человека“, Л. Андреева.

- 1) Человекъ съ женой, 2) Гости—„Какая честь, какая честь“, 3) Музыканты.

быть, и никакого не имѣла бы. Сказали бы: да, недурно, хорошо, однако, развѣ это театръ? Вотъ у Станиславскаго, батенька, театръ, такъ театръ! Такая пушена декорация, пунктиромъ, что пальчики оближешь! Пейзажъ, понимаете, сливается съ диалогомъ? А? Каково вамъ покажется? Да еще музыка при этомъ въ краскахъ—хромолитография такая, знаете! Тоже Вяч. Ивановъ задумалъ театръ, не совсѣмъ еще у его апостола, Мейерхольда, это вытанцовывается, но удивительно! Соборное дѣйство! Гдѣ актеръ, гдѣ публика—неизвѣстно! Барельефы-съ! Да-съ!

Непремѣнно что-нибудь этакое сказали бы, да можетъ быть, еще и сейчасъ рискнуть сказать. Однимъ словомъ, дѣло не въ томъ, что мы ѣдимъ, а въ томъ, какъ сервировано. И до того силою безпрестаннаго внушенія эту идею вталкивали въ голову, что многіе самымъ искреннимъ образомъ убѣждены, что театръ—это тарелка, на которой, собственно говоря, все равно, что подается. Была бы тарелка занимательно расписана, да уснащена мудрыми реченіями.

Вотъ уже лѣтъ 10, какъ я жду пріѣзда Дузэ,—жду какъ пришествія Мессіи. Ибо сила ея темперамента, ея великой художественной правды, ея тончайшаго и очаровательнѣйшаго реализма необычайна. Пріѣзжалъ, правда, Сальвини, но, какъ говорится, безжалостное время наложило на него свою печать. Старые авторитеты всѣ, мало-по-малу, разрушаются вре-

менемъ. Да и не только временемъ—еще больше, борьбой съ силою времени. Одинъ крупный бриллиантъ въ коронѣ моихъ театральныхъ переживаній я уже потерялъ. Не хочу называть имени. Догадайтесь—хорошо. Не догадайтесь—ваше дѣло. Вотъ уже цѣлый рядъ лѣтъ, какъ бриллиантъ этотъ тускнѣетъ: нѣтъ ничего хуже, какъ надирать свои силы въ погонѣ за призраками молодости, стараясь казаться тѣмъ, чѣмъ быть уже не можешь. И каждое уклоненіе отъ правды оставляетъ пятно на бриллиантѣ,

какъ каждый проступокъ на портретѣ Доріана Грея...

Да, такъ вотъ я говорю, что ждалъ своего Мессію. Въ новые, непризнанные, не раздутые модой и рекламой, таланты не вѣрятъ. Но, думалось мнѣ: пріѣдетъ Дузэ, и я торжествующе скажу—«видите!» Я вѣрую, о, Мельпомена! Но покажи же знакъ на своемъ небѣ, чтобы они увѣровали...

И не только потому такъ жадно я ждалъ пріѣзда Дузэ, чтобы увѣровали въ единую истину театра—сценическій гений—сбитые съ толку, вялые маловѣры, но и потому также, чтобы доказать, опять-таки на примѣрѣ сценическаго гения, что «типовое», «бытовое», конкретное вовсе не исчерпываютъ собою понятія реализма, какъ намъ стараются внушить, ибо типъ, быть, натура суть лишь формы высшей реальности, какъ предметы, по платоновской философіи, суть выраженія идей, что когда не довольствуешься ограниченной правдою быта и типа, то отсюда вовсе нѣтъ перехода къ отрицанію правды, вообще, и къ бессмысленному излому и манерной вычурности, и, ищущей въ кривляніяхъ всякаго рода будто бы высшей правды, когда это есть простѣйшая ложь... Ибо вотъ Дузэ—развѣ это не реализмъ души, развѣ тутъ не озареніе высшей правды, возвышающейся надъ случайнымъ подобіемъ бытовыхъ, типическихъ чертъ? Развѣ этотъ высшій субъективизмъ, налагающій на все свою печать, не есть откровеніе правды, безотносительно къ типическимъ чертамъ? Вотъ душа вѣка—Дузэ. Но что такое душа вѣка? Это не а и не б, не типъ и не быть, но это правда, самая настоящая, для насъ несомнѣнная и нами чувствуемая правда реального изображенія.

Вы можете отсюда легко понять то волненіе, которое я испытывалъ, придя на первый спектакль Дузэ. Я ждалъ чуда. Вотъ—думалось мнѣ—заговорить она, подниметъ свои очи, и всѣ увѣруютъ и воскликнуть «Осанна». Я же обведу сомнѣвающихся, маловѣрныхъ и поврежденных торжествующимъ взглядомъ и промолвлю:

— Теперь вы понимаете, что такое театръ...

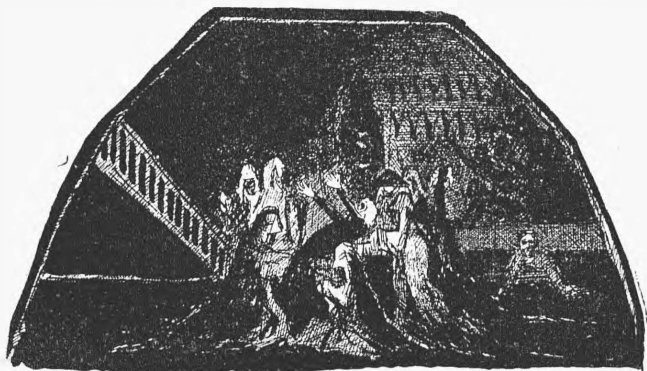
Но чудо не случилось. Чудо не произошло. На небѣ не было знака. Напрасно напрягалъ я слухъ и зрѣніе, напрасно твердилъ:

— Великая Элеонора! Такъ какъ въ тебѣ воплощенъ богъ сценическаго творчества, то докажи это, яви міру!..

Она не доказала. Міръ остался холоденъ и не воспринялъ чуда богоявленія.

Прежде всего, она была не въ ударѣ. Это сразу чувствовалось. Можетъ быть, на нее повліялъ видъ этого безконечно длиннаго и безконечно глупаго зала консерваторіи, самаго подходящаго театральнаго

Московскій Художественный Театръ.



„Жизнь человѣка“, Л. Андреева.

Смерть человѣка, карт. 5.

Рис. Ф. Меньшова.

помѣщенія для широкогрудатаго тенора съ бараньими глазами. Можетъ быть, она переросла уже Магду? Въ самомъ дѣлѣ, Зудерманъ могъ казаться глубокимъ и значительнымъ лѣтъ 10—15 назадъ, до знакомства съ Ибсеномъ, до популярности Ницше. Теперь такъ отчетливо видно, откуда онъ взялъ свои идеи, свою завязку и развязку, и когда открылись солнца, такъ тускло горитъ его заимствованный свѣтъ.

Можетъ быть, ей надоѣло играть одну и ту же роль, и всегда въ ней появляться? Какой антихудожественный обычай играть на гастрольяхъ все то же! Увы, публика такъ глупо устроена, что чѣмъ извѣстнѣе, затасканнѣе, чѣмъ затрепаннѣе пьеса, тѣмъ больше собираетъ зрителей. Антрепренеръ сидитъ въ кассѣ и считаетъ барыши. Надо играть. Все тоже и тоже... И постепенно, въ живое вдохновеніе проникаетъ скука, ремесло. Надоѣдаетъ играть все одно и тоже. Наступаетъ пресыщеніе, и чтобы избѣгнуть его, стараешься разнообразить роль чисто механически, и отъ этихъ уловокъ механическаго разнообразія, на живомъ твореніи образуется цѣлый слой, цѣлый пластъ надуманныхъ, холодныхъ подробностей.

Можетъ быть, прелесть ея искусства, цѣломудренную скорбь ея души съѣла страна «желтаго дьявола», въ которой она долго играла? Долларъ тугъ на ухо. Для доллара нужна подчеркнутость, слишкомъ ясная опредѣленность, слишкомъ очевидная характеристика. И вотъ, Магда, когда приходитъ Келлеръ, становится лбомъ къ стѣнѣ, спиной къ посѣтителю, и упершись въ стѣну, беретъ у него букетъ. Это совершенно неправдоподобно, потому что при такомъ пріемѣ, Келлеръ сейчасъ бы ушелъ, и весь послѣдующій разговоръ былъ бы невозможенъ. Но долларъ иначе плохо понялъ бы, въ чемъ

дѣло. Самый разговоръ съ Келлеромъ, который Дузэ вела раньше такъ просто, такъ интимно, между тѣмъ, какъ внутри ея клокотало пламя, нынче растянуть, лишентъ настроенія, раздробленъ на частности. Можетъ быть, для того, чтобы «желтый дьяволъ», не спѣша, могъ вкусить ту сцену? Когда отецъ зоветъ Магду, чтобы поговорить съ ней,—въ былое время она говорила: «и мнѣ тоже нужно переговорить съ тобой» тономъ перегорѣвшей, но непреклонной рѣшимости, тутъ была и скорбь за боль, которую причиняешь, и увѣренность въ правотѣ идеи, которую отстаиваешь. Теперь Дузэ почти что надменно кричитъ: «мнѣ нужно переговорить съ тобой!» Но если съ отцомъ можно разговаривать, какъ съ лакеемъ, въ чемъ драма, и вообще, *wozu ist dieser Lärm?* А когда она бросаетъ брезгливо, надменно и цинично: «думаешь ли ты, что онъ былъ у меня единственный любовникъ?»—не щадя ни себя, ни отца, невольно думаешь: и на такую-то безстыжую могъ повліять пасторъ своимъ рассказомъ? Нѣтъ, такая безстыжая не осталась бы въ отчемъ домѣ!

Душа Дузэ, душа страдающей Мадонны могла рѣшиться на это только потому, что нашептывалъ желтый дьяволъ!

А можетъ быть—и это самое тяжелое—тутъ главное—и лѣтъ, протекшихъ съ ея послѣднихъ гастрольей? Какой ужасъ, это разрушеніе времени! Если мгновенію нельзя сказать: «остановись, ты прекрасно!», можетъ быть, надо убить дальнѣйшія мгновенія? Не потому ли Клеопатра за утро умерщвляла своихъ любовниковъ? Авторъ написалъ книгу, самъ онъ сталъ дряхлѣть и немощенъ, но книга горитъ всѣми красками молодости. А вотъ проклятое искусство! Сыграла роль, словно спѣта божествен-



„Жизнь человѣка“.

Оркестръ на балу у Человѣка.

(Шаржъ). Рис. Ф. Меньшова.

ная пѣсня, но старѣетъ художникъ сцены, и съ нимъ старѣетъ его созданіе.

*Le temps emporte sur son aile
Le printemps et l'hirondelle..*

На слѣдующій день я смотрѣлъ «Джіоконду» д'Анунціо. Художникъ Лучіо лѣпитъ статую и влюбляется въ натурщицу, Джіоконду. Эта Джіоконда символизируетъ ту форму, вѣчно живую, обновляющуюся и измѣнчивую, которая составляетъ сущность искусства. Но у Лучіо есть жена, Сильвія. Схватка двухъ женщинъ представляетъ, какъ говорится, «гвоздь» всей пьесы. Символъ свободы и

обновленія, символъ формы борется съ символомъ консерватизма, содержания, обязательства. Жена—тоже, что форма. Когда пререканіе достигаетъ высшей степени напряженія, Джіоконда бросается за кулисы съ тѣмъ, чтобы разбить статую, ибо статуя есть ея собственность—собственность формы. Сильвія въ свою очередь, бросается за Джіокондой, и за кулисами происходитъ борьба. Слышенъ шумъ глухого паденія, потомъ ужасный крикъ. Защищая статую, въ ярости сброшенную Джіокондой, Сильвія подложила руки, которыя статую раздробила. Но «статуя спасена!»

Роль эту Дузэ играла у насъ впервые. Первый актъ у нея вышелъ очаровательно. Вотъ, говорятъ, символъ требуетъ особыхъ приемовъ сценическаго творчества, какихъ—неизвѣстно, но не такихъ, которые мы знаемъ. «Надо стоять бокомъ»—говорятъ одни. «Скрестивъ руки»—говорятъ другіе. А надо дать просто реальное выраженіе души, въ самыхъ ея общихъ выраженіяхъ. Дузэ даетъ именно такой экстрактъ женщины, которой назначеніе, смыслъ, сущность въ консерватизмѣ семьи. Ея душа вся—въ преданности, въ счастіѣ достигнутой, вѣчной, непреходящей любви. Страхъ предъ бурей, мятежными порывами, внезапными вихрями читается у нея въ глазахъ. Настоящее чудесно, настоящее прекрасно—зачѣмъ лучше? Лучшее—врагъ хорошаго. Таковъ высшій реализмъ. Между нимъ и символизмомъ, въ сущности, нѣтъ разницы. У д'Анунціо и въ «Джіокондѣ», и въ другихъ произведеніяхъ есть выраженіе: «жизнь моей жизни». Это выраженіе, какъ видно, автору очень нравится, и точно, оно удачно. Такъ вотъ и высшій реализмъ есть «жизнь жизни». И когда Дузэ играла первый актъ, я это понималъ какъ нельзя лучше—не жизнь, но жизнь жизни...

Увы, потомъ, въ слѣдующихъ актахъ, образъ прежней Дузэ снова померкнулъ. Опять, какъ въ Магдѣ, я видѣлъ гастроль, гастроль, думалъ о докучѣ надоевшихъ повтореній, о странѣ «желтаго дьявола», требующей густоты, о проклятомъ времени, уносящемъ на крылѣ своемъ беззаботную ласточку. Опять стремленіе заполнить пустые интервалы, не дать публикѣ скучать, приковать ея вниманіе къ каждому слову. Въ сценѣ объясненія съ Джіокондой, Дузэ какъ-то отошла отъ образа. Сущность Сильвіи—защита. Тутъ было и нападеніе. Дѣло Сильвіи—охрана; Сильвія—право, вступающее въ борьбу со свободой. Но въ этомъ правѣ было слишкомъ много свободы... Темпераментъ Сильвіи—весь внутри, въ глубинѣ сердца. Онъ крайне интенсивенъ, но сжуженъ площадью. У Дузэ былъ широкій размахъ, а «нѣдра» были спокойны... И это уже была не Сильвія.

И сейчасъ, послѣ двухъ ролей, я могу сказать, что темпераментъ Дузэ, божественная печаль, разлитая во всемъ существѣ ея, потускнѣли. Что она великая актриса, обаятельнѣйшее существо, неслышанно женственная женщина, съ которой надо писать *Mater Dolorosa*—внѣ всякаго спора. Но я не за этимъ шелъ на ея гастроли, не для того ждалъ съ тоской ея приѣзда. Дузэ нужна была нашему страдающему театру, бессмысленно швыряемому какъ мячъ однимъ фокусъ-покусникомъ другому, какъ показатель истины. Истина же искусства—въ интуиціи; истина—въ огнѣ и пламени; истина—въ художественномъ темпераментѣ. Все это,—сжигающій пламень и необычайная интуиція,—было основной чертой Дузэ, и сопрягаясь съ ея личностью, съ живописною прелестью ея глазъ и улыбки, съ налетомъ безысходной грусти, такъ идущей къ вѣку

пессимизма, къ Леопарди и Шопенгауэру,—создавало явленіе чрезвычайное. Послѣ Дузэ всѣ умники должны были молчать. Съ высотъ летѣла молнія и сжигала всѣ сомнѣнія.

Теперь я не вижу молній. Умники будутъ «умствовать», сомнѣвающиеся по прежнему будутъ сомнѣваться, и на вопросъ: «а кто у васъ режиссеръ?»—нельзя будетъ сказать: «а чортъ его знаетъ!», но придется выписывать его полное званіе, титулъ и всѣ заслуги, дѣйствительныя и воображаемыя...

Тоска...

А. Кугель.

Провихральная лѣтопись.

НОВОЧЕРКАССКЪ. Съ 12-го декабря на сцену драмы, переѣхавшей въ Ростовъ, къ намъ явилась на 12 спектаклей въ полномъ своемъ составѣ опереточная труппа С. И. Крылова. Какъ и слѣдовало ожидать, труппа эта сдѣлала, принимая во вниманіе предпраздничный, мертвый сезонъ, очень хорошія дѣла. Несмотря на то, что рядовые опереточные спектакли всѣ шли по бенефиснымъ цѣнамъ, а на «новинки» и бенефисы артистовъ были назначены даже особо возвышенныя цѣны, нѣкоторыя оперетки дали почти полные сборы; бенефисъ же г-жи Жулинской прошелъ при аншлагѣ: «билеты всѣ проданы». Такой матеріальный успѣхъ оперетки приходится объяснять не столько составомъ опереточной труппы, всѣхъ персонажи которой еще ранѣе были извѣстны нашей публикѣ, сколько ея любовью къ легкимъ, слегка скабрзнымъ пьесамъ, по которымъ новочеркасцы успѣли уже сильно соскучиться.

Къ чести режиссера нашей драматической труппы г. Григорьева слѣдуетъ сказать, что въ числѣ 64 спектаклей, поставленныхъ имъ до переѣзда труппы, прошелъ только одинъ фарсъ «Морскія ванны» да и тотъ въ бенефисъ артистки г-жи Лабунской. Зато пьеса Островскаго имъ было поставлено столько, какъ никогда въ Новочеркасскѣ за столь короткій промежутокъ времени—цѣлыхъ 10.

И вотъ «наголодавшаяся» публика, зная, что оперетка пожаловала лишь на 12 спектаклей и съ праздниковъ и до конца сезона опять будетъ подвизаться та же драма, не пожелала упустить случая пощекотать свои нервы...

Наибольшимъ успѣхомъ среди женскаго персонала неизмѣнно пользовалась г-жа Жулинская, не имѣвшая на этотъ разъ такой серьезной соперницы, какъ г-жа Пюнтковская, затмившая ее въ прошломъ году. Отсутствіе счастливой соперницы замѣтно отразилось на «самочувствіи» нервной артистки, она и играла живѣе и пѣла значительно лучше, чѣмъ при г-жѣ Пюнтковской. Гастролеръ труппы г. Дальскій, наоборотъ, далеко не пользовался такимъ крупнымъ успѣхомъ, какъ въ первые свои приѣзды въ Новочеркасскъ. Быть можетъ, благодаря переѣздамъ изъ города въ городъ и почти ежедневному участію въ спектакляхъ, г. Дальскій былъ не вполне здоровъ, а потому пѣлъ съ видимымъ напряженіемъ, да и игра его не отличалась прежней веселостью и оживленіемъ. Съ большимъ успѣхомъ, какъ и раньше, выступалъ первый теноръ труппы г. Амираго, доставившій много удовольствія любителямъ серьезнаго пѣнія. Комикъ г. Чужбинъ и на этотъ разъ пользовался выдающимся успѣхомъ, главнымъ образомъ благодаря своей уморительной мимикѣ, миниатюрной комичной фигуркѣ, танцамъ и вообще невѣроятнымъ «выкрутасамъ», которые онъ постоянно въ каждой роли продѣлываетъ своими ногами. Г. Градовъ, комикъ и режиссеръ труппы, въ этотъ приѣздъ понравился мнѣ значительно больше. Нѣкоторыя постановки его оказались очень удачными и эффектными. Самъ онъ безусловно очень полезный, старательный артистъ съ огромнымъ репертуаромъ и, очевидно, весьма трудолюбивый режиссеръ. Объ остальныхъ артистахъ и артисткахъ можно вообще сказать, что они составили дружную, сыгравшуюся труппу. Г-жа Полинова, замѣнившая г-жу Пюнтковскую, сдѣлала очень большіе успѣхи за истекшій годъ. За отъѣздомъ г-жи Сергѣевой она одна въ труппѣ уже давно несетъ на своихъ плечахъ весь лирической репертуаръ, и, несмотря на ежедневные спектакли, высокой и чистой голосъ ея звучалъ у насъ свѣжо и красиво. Очень удачно справлялся съ баритонными партіями г. Чугаевъ, отличающійся нѣсколько тяжеловатой игрой, но звучнымъ и красивымъ голосомъ. Сравнительно рѣдко, благодаря гастролямъ артиста Дальскаго, но довольно удачно выступалъ постоянный протагъ труппы г. Горевъ, котораго мы раньше слышали въ теноровыхъ партіяхъ. Игра этого артиста пока не отличается такою заразительною веселостью и бойкостью, къ какой приучили публику лучшіе «всероссійскіе» опе-

реточные проставки, каковы гг. Рутковский, Грѣховъ, Дальскій, Долинъ, Монаховъ и нѣк. др., но и г. Горевъ уже теперь имѣетъ всѣ данныя со временемъ стать въ ихъ ряды.

Г-жи Борская, комич. старуха, Бобятинская, каскадная, и Сафланова, вторая лирическая и каскадная, а также г. Костенко, комикъ,—могутъ быть названы такими полезностями, которыя желательны и даже необходимы каждому антрепренеру и въ каждой труппѣ съ болѣе или менѣе ограниченными бюджетомъ. Хоры какъ женскій, такъ и мужской въ особенности были по обыкновению слабы. Далеко не всегда была на высотѣ своего положенія и войсковой оркестръ подъ управленіемъ опереточнаго дирижера г. Сибирика. Замѣтное оживленіе вносилъ въ оперетки небольшой, всего въ 6 паръ, балетъ подъ управленіемъ г. Виттига, вызывавшій особый интересъ публики и постоянно биссировавшій всѣ свои номера.

Матювъ.

ХЕРСОНЪ. Въ декабрь состоялись бенефисы премьерши труппы Н. Н. Орловской („Голодь“ Юшкевича) и премьеря А. А. Туганова („Царь Дмитрій Самозванецъ и царица Ксенія“). Оба бенефиса дали далеко не полные сборы. Бенефисъ антрепренера г. Строителя („Заколдованный кругъ“ Риделя), несмотря на воскресный день, такъ-же полного сбора не сдѣлалъ.

Съ 21 по 24 декабря городской театръ былъ предоставленъ г. Бронштейну подъ спектакли еврейскій труппы. Предварительно г. Строитель обратился въ театральную комиссію за разрѣшеніемъ подобной переуступки и въ своемъ заявленіи, между прочимъ, пишетъ: „особенно прошу театральную комиссію объ этомъ, такъ какъ это нѣсколько сгладитъ шероховатые отношенія между мѣстнымъ еврейскимъ обществомъ и мною.“

Повидимому праздники блестящихъ результатовъ антрепризъ не принесутъ; пока за 4 дня было дано 8 спектаклей, причемъ хорошіе сборы дали только лишь первые два дня.

Праздничный репертуаръ по 7 января объявленъ слѣдующій: „Василиса Мелентьева“ (утр.), „Подъ гнетомъ насилія и произвола“ Черкеза, „Варфоломеевская ночь“ (утр.), „Царь Дмитрій Самозванецъ и царица Ксенія“ (утр.), „Ночь волшебныхъ сновидѣній“, „Приключенія Королевича Лѣдо“ (утр.), „Заколдованный кругъ“ (общед.), „Ревизоръ“ (утр.), „Измаилъ“, „Долина жизни“, „Красотка съ чудными глазами“, „Джекъ“, „Дочь короля Рене“, „По дорогѣ въ депутаты“. „Объ одномъ шутѣ“, „Веселая вдова“ (бенефисъ г. Флоровскаго—главнаго режиссера), „На днѣ“ (утр.), и „Смерть Іоанна Грознаго“.

Въ настоящее время г. Строителемъ ведутся переговоры съ италіанскимъ опернымъ импресарио Ю. Кастеллано объ уступкѣ послѣднему въ январѣ городского театра.

Но куда тогда г. Строитель дѣнетъ свою драматическую труппу?

Народный театръ попечительства о народной трезвости на Военномъ форштадтѣ продолжаетъ по старому гнуть свою незатѣливую линію.

Подвизаются русско-малорусскіе любители. Репертуаръ самый безалаберный и врядъ-ли много способствующій просвѣщенію посѣтителей изъ народа.

Ожиданія, что въ декабрьскомъ засѣданіи городской думы, наконецъ разрѣшится вопросъ о сдачѣ городского театра на будущій зимній сезонъ, не оправдались. Большинство думы упорно противится сдачѣ театра подъ яркультурное дѣло, и, во что-бы то ни стало, желаетъ завести оперетку.

Въ виду того, что единственны антрепренеръ, предлагающій Херсону чередующія труппы—драму и оперетку—г. Бѣляевъ, ко дню засѣданія думы подробнаго предложенія еще не прислалъ, то со сдачей театра рѣшено подождать до слѣдующаго засѣданія думы (22 января). Поступили, между прочимъ, запросы отъ Н. Д. Красова (изъ Петербурга) и г. Семченко (Симферополь); но разсматриваются лишь предложенія (В. И. Никулинъ взялъ обратно свое заявленіе) г. Лебедева и Е. А. Бѣляева.

Театральная комиссія, въ виду невнесенія г. Бѣляевымъ установленнаго залога, постановила сданный уже было г. Бѣляеву театръ на 5 и 6 недѣлю Великаго Поста, считать свободнымъ.

Гр. Элкнндъ.

РЯЗАНЬ. Зимній сезонъ въ нашемъ городскомъ театрѣ открылся 22-го октября. Г. Озеровъ, собравшій довольно большую драматическую труппу, открылъ сезонъ тремя пьесами: „Ночи Безумная“ въ 2-хъ д., „Почѣмъ первый и послѣдній“ въ 1 д. Ге и „Вѣчность въ мгновеніи“. Послѣдній этюдъ являлся такъ сказать—пьесой „гастрольной“, въ которой помимо самого г. Озерова, только разъ и то неудачно выступившаго въ качествѣ актера, участвовали еще артисты „московскаго ибсеновскаго художественнаго театра“ г-жа и г. Тамарины.

Спектакль, назначенный по возвышеннымъ цѣнамъ, какъ „гастрольный“, далъ полный сборъ (по обыкновеннымъ крайне дешевымъ цѣнамъ отъ 1 р. 75 к. до 30 коп.—сборъ не превышаетъ 400 руб. возвышенныя цѣны даютъ около 800 рублей) и произвелъ отличное впечатлѣніе хорошимъ ансамблемъ и прекрасной постановкой. „Гастролеры“ особеннаго успѣха не имѣли.

Г. Озеровъ затратилъ на рязанское дѣло несомнѣнно много денегъ: театръ отремонтированъ заново и производить теперь недурное впечатлѣніе, выписаны новыя декорации, привезена бутафорія, такъ что и съ внѣшней стороны пьесы обставляются для провинціального города очень хорошо.

И труппа подобрана умно.

Служатъ: г-жи Кіенская (героиня), Трефилова (ingénue dramat.), Алексинская (ingénue com.), Донская (драмат. и комич. старуха), Чистякова (grande-dame), Нѣжина, Воловичъ, Нельская, Звольская, Страховская, Струйская, Любимова; гг. Сумароковъ, Бѣляевъ, Львовъ (любовники), Сухановъ, Чарскій (герои-резонеры), Федосовъ, Сатинъ (комики), Нальскій (фатъ), Бѣльскій, Виноградовъ, Цвѣтковъ, Сергѣевъ, Орловъ (2-я роли). Суфлеры: Козлянининъ, Львовъ. Помошники режиссера: Орловъ, Сергѣевъ. Установлена очередная режиссура. Пьесы ставятъ поочередно гг. Бишофъ-Соколовскій и Чарскій.

Въ серединѣ сезона прибылъ приглашенный главнымъ режиссеромъ г. Алексѣевъ-Месхіевъ, выступающій въ роляхъ ампула любовника-резонера.

Репертуаръ составленъ довольно разнообразно. Такъ, до Рождества прошли слѣдующія пьесы: „Почѣмъ первый и послѣдній“, „Вѣчность въ мгновеніи“, „Ночи безумныя“, „Воръ“ (2 раза), „Безъ вины виноватые“ (2 раза), „Молодежь“, „Семнадцатилѣтніе“ (3 раза), „Забава“ (2 раза), „Весенний потокъ“ (2 раза), „Вѣчная любовь“, „Внѣ жизни“ (по 2 раза), „Дѣти Ванюшина“ (3 раза), „Въ новой семьѣ“, „Отецъ“, „Потемки души“, „Цѣна жизни“ (2 раза), „Вишневый садъ“ (2 раза), „Огни Ивановой ночи“ (2 раза), „Мораль пани Дульской“ (4 раза), „Евреи“, „Гувернеръ“ (3 раза), „Невѣрная“, „Доходное мѣсто“, „Богъ мести“, „Сильные и слабые“ (2 раза), „Свадьба Кречинскаго“, „Преступленіе и наказаніе“, „Счастье только въ мужчинахъ“ (3 раза), „Казнь“ (2 раза), „Соколы и Вороны“, „Мученикъ страсти“.

Валовой сборъ до Рождества достигъ почтенной цифры—10 тысячъ, цифра для Рязани громадная! Спектакли на кругъ давали около 200 рублей, при расходахъ: 125 р. вечеровыхъ и содержаніе труппы—3,000 руб.

Труппа пользуется хорошимъ успѣхомъ. Недурной ансамбль и отличная постановка дѣлаютъ честь нашимъ режиссерамъ, изъ которыхъ выдѣлился въ особенности г. Алексѣевъ-Месхіевъ, дебютировавшій, какъ режиссеръ „Отцомъ“ Стриндберга, и какъ актеръ ролью Шпшшова въ „Богъ мести“, ролью, которую онъ провѣлъ ярко и жизненно.

Изъ отдѣльных исполнителей наибольшими симпатіями пользуются г-жи Трефилова, Кіенская и Донская, гг. Сумароковъ (сыгравшій рядъ труднѣйшихъ ролей—молодой и безусловно даровитый артистъ), Алексѣевъ-Месхіевъ, Нальскій (лучшая роль „Гувернеръ“).

Рождественскій репертуаръ (при двойныхъ денныхъ и вечернихъ спектакляхъ) „Джентльменъ“ (2 раза), „Женитьба“, „Одинокіе“, „Родина“, „Бюрократъ“, „Надо разводиться“, „Сыщикъ“ (2 раза), „Роза Берндъ“, „Блудный сынъ“, „Дядя Ваня“, „Потонувшій колоколь“.

Между прочимъ на Рождественскіе праздники объявлены и „гастрольные“ спектакли „Ибсеновскаго театра“. „Гастролеры“ ставятъ: „Сестру Беатриссу“ и „Грѣхъ“.

На праздникахъ сборы нѣсколько ниже—что объясняется, конечно, обыкновенными Рождественскими развлечениями: балами, концертами и той клубной жизнью, которая такъ развита въ нашей достаточной мѣрѣ скучной и мертвой Рязани...

Ре—Солъ.

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ. Нсябрь и декабрь (до рождественскихъ праздниковъ) были какими-то „нервными“ мѣсяцами для нижегородскаго театра: знаменитые „Черные вороны“, снятые послѣ третьяго представленія, получили возможность послѣ трехъ-недѣльнаго перерыва снова появиться на сценѣ, но, выдержавъ еще четыре сбора, они были сняты уже окончательно.

А пьеса привлекала въ театръ такихъ зрителей, нога которыхъ не переступала прежде порога театра. Затѣмъ, на смѣну „Воронамъ“ появилось „Пробужденіе весны“, на которое дирекція, повидимому, сильно рассчитывала, какъ на „гвоздь“ сезона. Увы! Ведекинъ не привился: первый спектакль далъ полный сборъ (900 руб.), второй—на половину пустой театръ, третій и четвертый—сборы совсѣмъ упали.

При этомъ противъ пьесы начался походъ родительскихъ комитетовъ, ополчившихся на порнографію и договорившихся въ концѣ-концовъ до необходимости полицейскаго надзора за учащимися... „Пробужденіе весны“ было остроумно поставлено г. Гутманомъ: сцена была подѣлена на двѣ части и пока въ одной шло дѣйствіе, въ другой приготавливали для слѣдующей картины, такъ что антракты были только послѣ пяти картинъ.

Вендла—живая, прелестная Вендла—г-жа Кварталова, Рудницкій немного тяжеловѣтъ для Мельхиора, ученики (гг. Нѣмцовскій, Качуринъ, Хотевъ, Тимофѣевъ) хорошо сыгрались, но сцена засѣданія педагогическаго совѣта—вѣроятно, по винѣ режиссера—была шаржирована до-нельзя.

Послѣ долгихъ ожиданій поставили „Жизнь человѣка“, но пьеса не имѣла никакого успѣха, она шла въ бенефисъ г-жи

Кварталовой, дала одинъ полный сборъ, но два послѣдующіе едва-едва дали по 300 руб. Пьеса держалась только на г-жѣ Кварталовой и г. Рудницкомъ (Человѣкъ и его жена), дѣйствительно мастерски проведенныхъ роли; г. Лаврову - Орловскому роль—Нѣкто въ сѣромъ—не подходитъ. Въ постановкѣ не чувствовалось настроенія, не было продуманности и напр. балъ у человѣка былъ, совсѣмъ не выдержанъ. Возможно, постановка и повліяла на неуспѣхъ пьесы. Запрещеніе „Черныхъ вороновъ“, неуспѣхъ „Жизни человѣка“, наконецъ несчастный случай съ г-жею Кварталовой создали ту нервность, о которой сказано выше, и сезонъ тускло и сѣро докатился до праздниковъ.

Какъ водится, съ ноября бенефисомъ г. Гартье открылась серия бенефисовъ. Г. Гартье выбралъ „Нена-Саибъ“, пьесу изобилующую красиво поставленными сценами, декорациями. Пьеса не привлекла полного театра. Бенефисъ совпалъ съ XXV лѣтіемъ артистической дѣятельности бенефицианта. Затѣмъ 15-го справилъ свои именины г. Рудницкій, выбравшій „Честнаго человѣка“. Какой-то острякъ по этому поводу замѣтилъ, что, сыгравъ прекрасно трехъ воровъ („Холмсъ“, „Рафльсъ“, „Воръ“), артистъ задумалъ себя реабилитировать и попытаться счастья въ „Честномъ человѣкѣ“, но... по порокъ всегда привлекательныя добродѣтели. Передъ „Честнымъ человѣкомъ“ былъ поставленъ еще послѣдній актъ „Горя отъ ума“. Чацкій—г. Рудницкій, пожалуй, нервничалъ больше, чѣмъ нужно. Здѣсь же впервые въ отвѣтственной роли выступилъ долго болѣвшій г. Снигиревъ—Репетиловъ, тонко сыгравшій эту классическую роль. 22-го ноября г-жа Строева-Сокольская поставила для бенефиса (въ первый разъ) „Эросъ и Психея“. Роль Психеи едва-ли не лучшая въ репертуарѣ артистки: сцена въ монастырѣ проводится ею съ потрясающимъ, истинно художественнымъ драматизмомъ, вообще это чудесная Психея, но Блассъ—г. Браиловскій на этотъ разъ былъ скученъ и неинтересенъ. Одна изъ интереснѣйшихъ пьесъ сезона, „Эросъ и Психея“ не привилась въ Нижнемъ и сборъ былъ средній: повидимому, у нижегородцевъ своеобразный вкусъ. А жаль... Г. Гутманъ (режиссеръ) въ свой бенефисъ возобновилъ „Ганнеле“: онъ воплію прилично обставилъ ее въ декоративномъ смыслѣ, такъ что пьеса смотрѣлась съ удовольствіемъ. Ганнеле—г-жа Зарѣчная (замѣнившая г-жу Кварталову) недурно сыграла свою роль. Однообразенъ былъ г. Браиловскій (Странникъ, Учитель). Сборъ ниже средняго. 6-го утромъ былъ бенефисъ г. Качурина—„Конекъ Горбунокъ“: живо и весело, можетъ быть, немного шаржируя, игралъ роль Иванушки самъ бенефициантъ, какъ комедійный артистъ больше, чѣмъ полезность, съ несомнѣннымъ огонькомъ.

Кромѣ перечисленныхъ пьесъ, прошли еще новинки „Шквалъ“, „Джіоконда“ (заглавную роль хорошо сыграла г-жа Кварталова), „Примадонна“ (Строева-Сокольская—прекрасная Габріэла). Затѣмъ возобновили „Сафо“ съ г-жею Строевою-Сокольскою въ роли Сафо, „Романтиковъ“ Ростана, „Привидѣнія“ Ибсена. Повторили „Рафльса“, „Нена-Саибъ“, „Бранда“ (въ 7 разъ), „На всякаго мудреца довольно простоты“, „Бога мести“. Утренниками прошли „Гамлетъ“, „Таланты и поклонники“, „Мадамъ Санъ-Жень“, „За монастырской стѣною“, „Красная шапочка“, „Конекъ-Горбунокъ“ (три раза). На долю благотворительныхъ спектаклей выпали пьесы: „Новая Жизнь“, „Гибель Содома“ (2 раза), „Нищѣ духомъ“, „Волшебная сказка“, „Сафо“, „Горе отъ ума“, „Сирано де Бержеракъ“. „Примадонною“ 20-го закончились спектакли передъ праздниками. Въ составъ праздничнаго репертуара объявлено нѣсколько новинокъ: „Хорошенькая“, „Новая приключенія Холмса“, „Кучуринъ въ деревнѣ“, „Марія Ивановна“.

И. Савитъ.

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ. Крыловъ заканчиваетъ сезонъ въ Ростовскомъ театрѣ опереткой. Театръ съ будущаго сезона снятъ Соколовичковымъ-Самаринымъ.

На текущій сезонъ на свое Ростовское дѣло Крыловъ совсѣмъ махнулъ рукой. Его Новочеркасская драматическая труппа куда выше бывшей ростовской (теперь она играетъ въ Таганрогѣ). Переселивъ труппу въ Таганрогъ и давъ туда тѣхъ же гастролеровъ, что и въ Ростовѣ (Юрьеву и Самойлову), онъ нашелъ нужнымъ пополнить ее С. Н. Нерадовскимъ. Можно еще простить Крылову слабую драматическую труппу, драму съ японскими гейшами, участіе въ драматическихъ спектакляхъ (въ дивертисментѣ) опереточной пѣвицы Сергѣевой, вчера только сошедшей съ кафе-штантныхъ подмостковъ.

Но вотъ дневной спектакль второго дня Рождества „Женитьба“ Гоголя.

Опереточный комикъ съ акцентомъ, комическая опереточная старуха, всѣ хористы, суфлеръ оперетки—увлеклись новизною положенія, тутъ же на сценѣ стали видоизмѣнять Гоголя, отчасти говорить своими словами и были моменты, когда невольно кто-то произнесъ фразу изъ „Зеленаго острова“, фразу подхватили, увлеклись и такъ полъ акта и провели изъ оперетки. Я такъ и ждалъ, что кто-нибудь вдругъ запоетъ: „Безъ женщины мужчина!“

И. Катевъ.

КИНЕШМА. Въ Кинешмѣ подвизается товарищество драматическихъ артистовъ подъ фирмой „перваго товарищества

всероссийскаго союза сценическихъ дѣятелей“. Это, такъ сказать, первая ласточка „весны“ въ смыслѣ освобожденія труда отъ „безжалостной“ эксплуатаціи „хозяевами-антрепренерами“, заставляющими нерѣдко „ломать душу“. Актеру де не придется дрожать передъ магическимъ словомъ „штрафъ“, налагаемымъ „хозяиномъ-антрепренеромъ“, и самое главное, онъ увидитъ зарю любимаго драматическаго искусства... Ну, и что жеръ... Увы, полное разочарованіе.. На театральномъ жаргонѣ говорятъ „тетюши“, „индюханія“ и т. п., но какая разница между „тетюшовскимъ“ дѣломъ и „первымъ тонарисствомъ“ всероссийскаго союза? Не та ли, что во главѣ поставленъ безконтрольный, полновластный, мало-компетентный режиссеръ, что осталось то же хозяйское veto, подъ другимъ соусомъ, что пьесы „проваливаются“ почти „хозяйскихъ“, что вмѣсто пополненія труппы лучшими силами, которыхъ много, въ виду безработицы, появляются мѣстные любители, четвертую часть авторовъ? Репертуаръ—архаическій. Постановка примитивная, вѣрнѣе, — никакой постановки. Попытки постановки новыхъ пьесъ, какъ „Каинъ“, „Туннель“, окончились проваломъ.

Кинешма—маленькій не театральный городокъ, съ трудомъ разбирающійся въ театрѣ; за малымъ исключеніемъ, обыкновенно положительно безразлично ходитъ ли въ театръ, въ циркъ, въ звѣринецъ. Но и для Кинешмы нужна критическая оцѣнка своихъ силъ. Изъ исполнительницъ-артистокъ можемъ отмѣтить г-жу Коробову, исключительно, какъ бытовую, г-жу Аникину, какъ салонную, законченную артистку, къ сожалѣнію, выступающую очень рѣдко. Изъ артистовъ—добросовѣстный исполнитель г. Арбенинъ, какъ резонеръ, но отнюдь не какъ неврастеникъ. Г. Васильковъ—совсѣмъ молодой артистъ, силнѣе нуждающійся въ режиссерской поддержкѣ, которой, кстати сказать, нѣтъ. Отличительная черта постановки союзнаго режиссера г. Лазарева,—сплошной крикъ... Въ союзѣ шумятъ и здѣсь шумятъ... Единственное достоинство г. режиссера, что спектакли начинаются въ 8 ч. и оканчиваются около 12, чего раньше въ Кинешмѣ мы не замѣчали, но этого мало, очень мало... Денизъ, такъ краснорѣчиво расписанный въ открытыхъ письмахъ—„всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“—надо бы примѣнить къ дѣлу. Иначе хочется сказать словами Чацкаго: „шумите вы, и—только“...

Старый театралъ.

Г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКІЙ. Постоянной труппы у насъ въ городѣ зимою нѣтъ. Въ новомъ, недавно выстроенномъ при купеческомъ клубѣ и очень хорошемъ, уютномъ театрѣ, оборудованномъ электрическимъ свѣтомъ, прекрасными декорациями и всѣми аксессуарами, играетъ кружокъ любителей, члены Литературно-Музыкально-Драматическаго общества, подъ режиссуромъ В. Г. Барскаго. Въ этомъ году Обществу приглашены для участія въ его спектакляхъ и профессиональные артисты: Г-жи Тайгина, Крылова, Днѣпровская и Г.г. Рославлевъ и Агѣевъ. Спектакли даются исключительно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, иногда по два въ день—утромъ по уменьшеннымъ цѣнамъ, вечеромъ по обыкновеннымъ (полный сборъ около 500 р.) Репертуаръ не новъ, но довольно разнообразенъ. Прошли: „Юная буря“, „Иванъ Мironичъ“, „Соколы и Вороны“, „Въ селѣ Знаменскомъ“, „Нюбей“, „Дорога въ адъ“, готовятся къ постановкѣ „Каширская старина“, „Двѣ сиротки и Забава Путятишна. Изъ приглашенныхъ артистовъ успѣхомъ пользуется г-жа Тайгина, еще молодая, но даровитая, вдумчивая и серьезно работающая надъ собою артистка. Лучшими ролями ея были Нюбей и жена Ивана Мironича. Успѣхъ ея раздѣляетъ отчасти и г. Рославлевъ, тоже молодой актеръ, несущій на себѣ ампула любовника и героя. Среди любителей есть также довольно много опытныхъ и способныхъ исполнителей. Въ общемъ всѣ данныя до сихъ поръ спектакли надо признать болѣе или менѣе удачными. Къ сожалѣнію, театръ посѣщается нашею публикою, предпочитающею другія развлечения (циркъ, синематографъ, карты и вечеринки всякаго рода) не слишкомъ охотно, и сборы зачастую бываютъ плохи.

Х.

ТЮМЕНЬ. При приказчикемъ клубѣ организованъ кружокъ любителей драматическаго и музыкальнаго искусства. Оборудована маленькая сцена. Ежедневно по средамъ даются спектакли, съ музыкально-вокальнымъ отдѣленіемъ въ заключеніе. Пока еще не поставлено ничего серьезнаго,—все забавляются пустыми водевилями. Замѣтно отсутствіе руководителя.

МЕЛИТОПОЛЬ. Дѣла украинской труппы г. Глазуненко пока хороши: на кругъ свыше двухсотъ рублей. „За волю и правду“ и „Выхрестъ“ дали нѣсколько полныхъ сборовъ.

Труппа по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ остается до 20-го января, т. е. въ Θεодосіи, съ цирка-театра Безкороваева, снятаго г. Глазуненко съ 25 декабря, бурей несеная рыша и на ремонтъ понадобится около 2-хъ мѣсяцевъ.

Драматическою труппѣ г. Яковсона, снявшей театрѣ Стамболи по словесному договору съ 27-го декабря,—г. Глазуненко уплатилъ отступного 150 рублей.

И. Л. Илюмскій.